

An underwater scene with a blue color palette. In the upper part, a diver is visible near the surface. In the lower right, a shark's head and dorsal fin are seen swimming. The background is a deep blue with light filtering through the water.

Макс Строгов

Противостояние

Армагеддон

16+

Макс Строгов

Противостояние. Армагеддон

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Строгов М.

Противостояние. Армагеддон / М. Строгов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Что известно о силах специальных операций, которые на слуху с начала сирийских событий? В этой книге, возможно, впервые подробно описаны подготовка и ведение спецназом боевых действий. В мире множатся угрозы. Запад в шаге от попытки разрушить нашу страну, и он решается его сделать. В ответ принимается решение уничтожить угрозу. Одновременно во многих точках мира спецназ проводит специальные операции, доказывая, что он самый лучший. Но наши спецназовцы – это живые люди, умеющие любить. Их любовь трогательна и прекрасна.

Содержание

Часть Первая	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	29
Глава 8	41
Глава 9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Согласно Библии Армагеддон – это война между Богом и дьяволом, в которой, погибнут те, кто губит землю, и будет пленен дьявол на тысячу лет.

(Мысль из Книги Откровение)

Эти давние размышления посвящаю любимой жене – единственной женщине в моей жизни, разделившей со мной офицерскую судьбу, и любимой дочери, сделавшим этот мир для меня прекрасным. Если бы я мог сделать их счастливыми ценой своей жизни, я бы сделал это.

Автор

– Что это? – Спросит пытливый читатель. – Исследование современной политики в форме детектива? Популярное описание реальных событий? Приукрашенные фантазией мемуары отставного чиновника? – Нет, мой друг. Это отвлеченная история. Совпадения случайны, и никакие аналогии не верны. Хотя..., как знать.

Часть Первая

Активизация и сосредоточение

Глава 1

Активизация

Время – новейшее. Час "X"

Место – замок на южной оконечности полуострова Сен-Себастьян-Кап-Ферра,

Средиземное море

1

В зале было тихо и сумрачно. У персоны, которая устанавливала правила в обозримом пространстве, была непереносимость яркого света. Сумрак придавал еще большую необычность этому странному залу. Высокий, черный как бездна, потолок был почти не виден. Однако встроенные в него светильники приглушенным сиянием странным образом тускло освещали центр зала и стоящий в центре огромный овальный стол, высеченный из цельного куска темного малахита с черно-коричневыми прожилками. На столе стояли сосуды с какой-то жидкостью и бокалы. Те и другие были, очевидно, из особого кварцевого стекла, причудливой формы, напоминающей стилизованных животных. Люди, сидящие вокруг стола, были невидимыми. И только тогда, когда кто-то из них наклонялся вперед, чтобы подать голос или проявить особое внимание к очередному говорившему, он попадал в освещенное пространство, и можно было рассмотреть его лицо. Темные панели стен казались выполненными из особого темного камня, неизвестного, но удивляющего своей полупрозрачной глубиной. Огромные кресла вокруг стола поражали воображение и величиной, и оттенком камня, из которого были изготовлены, и резьбой, которую в полумраке было трудно рассмотреть. Но главное, спинки кресел были увенчаны оскаленными головами диких животных, подлокотниками являлись их передние лапы, а ножки кресел – задними лапами и хвостами. Эти головы, выполненные с необыкновенным искусством и большей величины, чем оригиналы, тоже

светились странным внутренним светом. Их можно было рассмотреть до мельчайшей детали, но случайному человеку они внушили бы ужас. Пол в зале был из мрамора или другого похожего камня цвета морской волны и ошутимо излучал тепло.

2

За столом сидело восемнадцать человек. И кто же эти люди? Обычному человеку, оказавшемуся здесь, что невозможно при любых обстоятельствах, большинство из присутствующих были бы неизвестными, но в некоторых из них он к своему изумлению узнал бы часто мелькающих в средствах массовой информации людей.

Судя по всему, совещание, назовем так это собрание, только началось. Говорил очень пожилой человек. По каким-то незаметным признакам чувствовалось, что именно он и есть хозяин этого дома. Его облик поражал. Возраст и особенности телесной конституции сделали его похожим на ящера. Лысый продолговатый череп, морщинистая темная кожа на неподвижном лице, глубоко сидящие немигающие глаза и покатые плечи лишь усиливали это впечатление.

Говорил тихо, властно, глухим, но не старческим голосом. И казалось, что нет на свете никого, кто смог бы не только прервать, но даже просто не слушать этого необычного человека.

– ...Более четырехсот лет тому назад моя Семья создала Банк Банков "Стандарт Грэйт Бэнк", которого нет в справочниках. Но он, как объединяющий холдинг, находится повсюду, как и другие наши банки: от Нью-Йорка до Токио, от Аляски до Сиднея. При этом наши активы

не ограничиваются банками, их размеры не знает никто... Своим присутствием здесь мне оказали честь представители старейших финансово-промышленных Семей мира: Блейкшильды, Олдфеллеры, Мэйтсы, Дарсеты и другие, которых я не называю, но отношусь к ним с не меньшим уважением. Их активы тоже более, чем значительны, а масштабы деятельности охватывают страны и континенты. Здесь также присутствуют достойные политики и общественные деятели – тяжеловесы мирового уровня. Этим вступлением я хочу подчеркнуть значимость персон, собравшихся за этим столом, и вескость решений, принимаемых нами. Господа! Пусть нас немного, но мы сила! Сообща мы сможем сделать все, что нам нужно. Поскольку мы собрались вместе после длительных консультаций и непростых переговоров, преодолев разногласия, можно считать, что наше объединение состоялось. Я поздравляю вас, господа! Итак, цель объединения: преодоление пагубных явлений всемирного экономического кризиса, успешное вхождение в посткапиталистическую фазу мирового развития и утверждение антилиберальной экономической эпохи, в которой будем царствовать только мы и, подчеркиваю, только мы и никто иной. Безусловно, цель является глобальной, но достичь ее мы способны.

Говоривший замолк и, видимо, погрузился в себя, отчего его немигающие глаза потеряли блеск, бескровные губы сжались, покатые плечи еще больше опустились. Да, возраст. Стало видно, что ему уже далеко за восемьдесят.

3

– Есть одно "Но", господа, – заговорил другой присутствующий, сидящий по другую сторону стола напротив Ящера. Его голову и руки, поскольку он наклонился вперед, можно было рассмотреть. Среднего возраста, волевое красивое и несколько хищное лицо, безукоризненная прическа. Похож на американского актера Уильяма Кларка Гейбла из кинофильма всех времен и народов "Унесенные ветром". И еще он был похож на матерого волка. Высокий, но не лишенный приятности голос, Аристократические нервные руки с пальцами пианиста.

– Это "Но" – препятствие на пути к нашей цели. И это препятствие – Россия. Ее политика и, что не допустимо, экономика, в значительной мере, стали для нас не управляемыми. Неуправляемость растет с каждым годом, как увеличивающаяся дыра в бредне, которым мы загребаем прибыли в мировом финансово-промышленном океане. Россия имеет серьезные намерения постепенно отойти от долларовых взаиморасчетов на мировом рынке продаж. Для нас это почти катастрофа. Ведь с каждой межгосударственной сделки, где бы она ни проходила, неважно между какими странами, мы всегда имеем свой гешефт. А мы с Россией играем в несерьезные санкции! С таким стыдливо-дипломатическим отношением к России надо заканчивать. Никаких кредитов, обрезать СВИФТ, никаких поставок промышленного характера, вообще всем запретить любые сделки с Россией! Мы-то выживем, потом наверстаем упущенное. Пусть тогда Россия попробует выжить!

Волк замолк. Было видно, что он расщирепел. Красивое лицо исказила гримаса, глаза сверкали, ноздри тонкого носа раздувались. В руке переломилась дорогая ручка. Затем продолжил: – И немаловажно то, что именно в России появилась самая значительная часть мировых "молодых денег". Да, именно мы уничтожили Советский Союз! Тогда мы объединились и сделали это. Но досадным следствием развала стали огромные состояния российских нуворисей, появившиеся в девяностых годах прошлого столетия, как ядовитые грибы после дождя. И если наши Семьи столетиями создавали капитал, вкладывая талант, трудолюбие и упорство, то российские мошенники просто ограбили свою огромную страну, главным образом присвоив ее естественные ресурсы и промышленные предприятия. Я всегда помню наш семейный девиз, девиз Блэйкшильдов, начертанный на нашем гербе: "Согласие, Честность, Трудолюбие"! Только так! И не иначе! Российские же капиталы девяностых годов, как это было юридически установлено в ходе лондонского процесса Березовский – Абрамович, носят "внезаконный характер". С правовой точки зрения "внезаконный" – это "криминальный". И если учесть, что, во-первых, размеры этих "молодых денег" по разным оценкам могут быть от пятнадцати до

двадцати пяти триллионов долларов, что сопоставимо с нашими объединенными капиталами, и, во-вторых, именно они составляют основу, фундамент российской экономики, то становится понятной задача: "зачистить" эти "молодые капиталы"! Этим мы ликвидируем угрозу противодействия нам главных "молодых денег" на финансовых рынках. И самое важное, "зачисткой" российских миллиардеров, будь то предприниматели или чиновники, мы обрушим Россию, взорвав ее фундамент! Военным же путем ее мы не победим. Это ясно. Конечно, пусть наши клоуны от политики для отвода глаз продолжают запугивать мир Россией, одновременно ей же и угрожая.

Волк говорил напористо и очень убедительно. Было видно, что он привык всегда добиваться своего. Как, собственно, и все здесь присутствующие.

– Да, – продолжил Ящер, – первая стратегическая задача, которую мы должны обязательно выполнить на пути достижения нашей цели, это – уничтожение России как субъекта мировой экономики и политики. Думаю, что это бесспорно.

Присутствующие согласно зашумели. Атмосфера в зале наэлектризовалась. Это общее согласие, нет, не просто согласие, а общее страстное желание сильных целеустремленных людей, казалось, способно было материализоваться.

Разрядил обстановку Ящер: – Что касается "молодых денег", мы уже провели "разведку боем". Используя МВФ, оштрафовали мой "Стандарт Грэйт Бэнк" на 340 миллионов долларов, разумеется, с моей подачи. Этим самым миру дали понять, если штрафуются Варухи за какие-то мелочи в банковской работе, то мошенников с миллиардами нужно просто уничтожить. В 2013 году мы вложили в уста главы МВФ Кристин Лагард заявление о возможности и необходимости конфискации "молодых денег".

4

– Я хочу добавить. – Пожилой, судя по голосу, господин, сидящий справа от Ящера, тоже наклонился вперед и стал виден. Крупный и, несмотря на возраст, еще крепкий. Из-за большой круглой головы и низкого голоса похожий на медведя.

– В то время как все говорят о вековой борьбе наших семей, – продолжал Медведь, – мы, Олдфеллеры, договорившись с господами Блэйкшильдами, провели первую акцию против "молодых денег" – нанесли удар по финансовой системе Кипра, изрядно пощипав российских нуворишей. Кроме того, засветили пользователей банковской системы Британских Виргинских островов. А это один из самых надежных мировых офшоров! В результате фамилии хозяев "молодых денег" и интересные данные о них стали известны мировой общественности. Правда, там не только имена россиян, но и граждан других стран СНГ, Азии и Латинской Америки.

– А я хочу подчеркнуть следующее. – Человек оставался в тени. Видны были только ухоженные короткопалые кисти рук, сверкнувший перстень и бриллиантовые запонки на безукоризненных манжетах. – Общеизвестно, – продолжил он очень низким рокочущим голосом, напоминавшем рык ягуара, – что Россия обладает колоссальными природными ресурсами. Но что предпринимается для того, чтобы распоряжались ими именно мы? Первое, что необходимо, это пресечь продажу Россией прежде всего газа, нефти и нефтепродуктов, металлов, любого сырья. И по какому праву Россия экспортирует пшеницу, когда с успехом это могут делать США, Канада и другие наши страны? Надо все это прекратить! Нам это под силу, хотя, конечно, мы тоже понесем потери. Потом упущенную выгоду возместим. Пусть политики подумают, какую форму запрета избрать. Санкции или еще как-то, неважно. Оставить право ограниченного и управляемого нами экспорта только предприятиям с иностранным участием не менее сорока девяти процентов. Так мы практически сломаем газовую, нефтяную, любую сырьевую иглу, на которой сидят русские. И вынудим их продать нам как минимум почти половинное участие в их сырьевой отрасли. Это для начала. Этими мерами мы безусловно подорвем экономику России.

– Поддерживаю господина Мэйтса. – Худощавый, неопределенного возраста человек подался вперед настолько, что стал виден чуть ли не до пояса. Небольшая голова, неприятное лицо, привычка облизывать губы, тихий без интонаций голос – все это придавало его облику что-то змеиное. А круглые очки и манера прямо держать спину и голову напоминали вставшую на хвост кобру. – Кроме того, надо исключить полностью продажу России высоко технологичного оборудования и, прежде всего, для нефтегазовой добычи и нефтепереработки, за исключением продаж оборудования предприятиям добычи и переработки с иностранным участием, а также станков, производственных линий и, естественно, передовых технологий всем без исключения чисто российским предприятиям промышленности и сельского хозяйства. И следующее, не ограничиваться пассивным приглашением единичных кадров, а, не откладывая, развернуть эффективную систему массового выкачивания российских специалистов. – Кобра обвел застывшим взглядом персон, сидящих за столом, чтобы определить, насколько присутствующие с ним согласны, и облизал в очередной раз губы. Затем откинулся на спинку кресла и погрузился в темноту. Очевидно, так ему было привычнее.

5

– Думаю, – подал голос Медведь, выступив из тени, – что все присутствующие будут согласны с тем, что холодную войну с Россией или гибридную, как её называют политики, необходимо неограниченно ужесточить. Во всех областях: политике, экономике, дипломатии, идеологии, культуре, искусстве. Ну и во всех остальных, вплоть до туризма. Буквально по всем направлениям. И в спорте, да, господа, даже в спорте. Не допускать российских спортсменов на международные соревнования и, в первую очередь, на Олимпийские игры. Обратит внимание разрушению их ценностей, извращению их истории, растлению их молодежи.

– Господин Олдфеллер абсолютно прав. – Тихий голос Кобры, появившегося из тени, и его застывший взгляд, казалось, гипнотизировали. – Все, что является для русских гордостью: победы, достижения, наука, великая литература, музыка, театр, балет – надо оболгать, замазать неверием, насмешкой. Нужно создать альтернативное мнение о никчёмности, жестокости, животной дремучести русских. Мир должен бояться русских.

– Я уверен, что необходимо усилить пятую колонну в России. – Подал голос Ягуар. – Нужно дополнительно выделить серьезные финансовые средства для всех этих гнилых либералов, рефлексирующих псевдоинтеллигентов, по сути, предателей. На войне как на войне. Каждого подлеца и негодяя можно правильно использовать. Пусть жалят и жалят свою родину. Распространяют ложь, забалтывают дельное, низвергают устоявшиеся представления и истинные ценности. Все это способно постепенно расшатать государственные устои.

– Я предлагаю, – человек явно военный, несмотря на гражданский прекрасно сшитый костюм, наполовину выдвинулся из тени, – объединить наши аналитические службы в некий орган, чтобы уже в ближайшем будущем иметь план, досконально продуманный, учитывающий наши совместные интересы и возможности, также предусматривающий риски.

На лице военного с чертами римского патриция и в его голосе чувствовались властность и абсолютная уверенность в себе. Чем-то монументальным, давящим на окружающих, он напоминал льва.

Наступившую краткую паузу нарушил Ящер.

– Полагаю, что надо принять все прозвучавшие предложения. И верно добавил господин Дарсет по поводу продаж оборудования, станков, технологий, а также выкачивания кадров. Но, думаю, то, что предложили выступившие, – это далеко не все, что нам предстоит предпринять. Господин Форрест безусловно прав. Прежде всего, нам нужен орган, суммирующий наши исследовательские и аналитические силы, мощный стратегический аналитический центр. Этот Центр разработает полный спектр наших возможных мер против России и способы их реализации. И надо поторопиться, господа! Для создания этого Центра, назовем его САЦ, скажем, "Эврика", если не возражаете, думаю, месяца будет достаточно. Нужных людей подберем скру-

пулезно. Это все в рабочем порядке. Возглавит "Эврику", если вы не против, Дэрк Варух, экономический советник нашего президента.

Присутствующие зашевелились и начали переглядываться. Затем по залу пробежал шум согласия. Все сказанное было утверждено.

– Что ж, хорошо. Я Дэрку передаем ваше решение. Ну, а еще через месяц снова соберемся, и Дэрк проинформирует нас о смете расходов на "Эврику", предварительных результатах и окончательном сроке разработки плана и программы, в которую будет воплощен план наших действий. Назовем план – "Разрушение". И средств на "Эврику" жалеть не будем. Окончательно готовый план "Разрушение" и программу действий по этому плану мы должны утвердить не позднее, чем через четыре месяца, считая с сегодняшнего дня.

Наступила пауза. Все утвердительно молчали, откинувшись на спинки кресел, увенчанными оскаленными головами. Казалось, что стая хищников, став в круг, застыла, прежде чем броситься на свою жертву.

– И еще одна немаловажная частность, – опять нарушил паузу Ящер, – каждая Семья добивалась успеха, идя своим путем. Мы же, Варухи, практически всегда работали с правительством своей страны как одно целое. Это был способ, который мы выбрали изначально. Бернард Варух, как вы знаете, был экономическим советником пяти президентов. Мы вывели великую Страну из Великой депрессии, мы организовывали перевод экономики на военные рельсы во Второй Великой войне, а в Первой войне – возглавляли Военно-Промышленный Комитет. Не кто иной, как великий Варух, друг премьер-министра Черчилля, в свое время ввел в обращение термин "холодная война". И сколько это дало прибыли нашей Семье, можно только примерно представить. Все вы в разной степени используете этот способ. Но сейчас мы не просто должны работать, сотрудничая с властями, а слиться с ними! Не жалея ресурсов, поглотить властные структуры. Президенты и правительства, парламенты и конгрессы должны выполнять наши планы и решения. Вас, господа политики и общественные деятели, да и всех присутствующих, мы просим подумать над этим. Эти предложения нужно передать Дэрку Варуху на следующем общем совещании, поскольку надо начать с поглощения властных структур в основных странах Запада, как обязательного условия успешного мощного скоординированного наступления на Россию.

– Господа, вы, думаю, одобрите, если мы с господами Варухами, Олдфеллерами и Блэйкшильдами, – поднялся Лев, отчего его голова, оказавшись рядом, странно гармонировала с львиной головой на спинке его кресла, – незамедлительно предпримем усилия по созданию объединенной группы представителей западных разведывательных и специальных служб для сопровождения нашего проекта?

Молчание присутствующих утвердило это предложение.

– Господа! – После продолжительного молчания Ящер продолжил, акцентируя внимание на каждом слове. – Сейчас я доведу до вас основные положения Стратегического плана действий, только что утвержденного Советом национальной безопасности, который будет приведен в действие после того, как мы разрушим экономику России. Этот второй важнейший этап включает в себя: уничтожение ее системы политического и военного управления, приведение России к территориальному распаду, дезорганизация армии и силовых структур, скупка разрозненных территорий, ликвидация сельского хозяйства климатическим оружием ХААРП, физическое уничтожение правящей элиты: политической, военной, экономической, культурной. Одним словом, всех тех, кто может организовать и управлять сопротивлением нашим действиям. Для подавления обычных в таких случаях бунтов, будут введены под видом миротворцев наши вооруженные силы, в первую очередь наших вассалов, конечно, чтобы избежать ненужных потерь. Кроме того, уничтожение производственных предприятий в промышленности, а также замена менеджеров в добывающих отраслях и в транспортной системе. Будут ликвидированы системы высшего и среднего общего образования, средств массовой информации,

объектов искусства и культуры, то есть всё, что формирует личность человека. – Ящер облизал пересохшие губы, отпил из причудливого бокала и без паузы продолжил: – В результате Россия, не только как страна, но и как цивилизация, перестанет существовать. На ее бывших просторах от Германии до Камчатки, включая Польшу, Прибалтику и Украину, этих недоумков и ублюдков, будет существовать под нашим управлением Восточная Демократическая Республика в качестве кладовой полезных ископаемых и природных ресурсов, ну и свалки вредных отходов. Будут уничтожены города, так как на их основе формируется государственность, и, в первую очередь, Москва и Санкт-Петербург, носители российского духа. Будут существовать лишь поселения при добывающих предприятиях. Население – не более семнадцати миллионов человек. Мы будем их кормить пищей со специальными биодобавками. Биодобавки для снижения численности населения, регулирования рождаемости и угнетения интеллекта уже разрабатываются. Для этого научно-исследовательский институт ВВС добывает образцы ДНК россиян и проводит нужные эксперименты с этим биоматериалом.

Ящер замолчал, видно устав. Так энергично и долго он давно, очевидно, не говорил. Оглядев немигающим взглядом замерших в оцепенении присутствующих, тихо добавил: – Это в общих чертах. Но каждый пункт сказанного тщательно проработан и обоснован. Таким образом, мы дадим возможность жить только каждому десятому россиянину, полностью переформатировав его жизнь и превратив его в раба.

Глава 2

Настороженность

Время – новейшее. Час "X" плюс двадцать два дня.

Место – Подмосковье

1

– Иван Максимович, интересное же место вы выбрали, чтобы встретиться после того, как полгода не виделись. – Коренастый коротко стриженный седой человек лет шестидесяти пяти, с ярко выраженной офицерской внешностью, пытался приподняться, держась за борта лодки, и рассмотреть высокий берег.

– Сиди спокойно, Александр Сергеевич, а то сверзнешься в воду и нас искупаешь.

Весельная лодка, управляемая молодым сравнительно человеком, оглядывающим округу беспокойным взглядом, несильно врезалась в берег. Абсолютно седой, но без малейшей зальсины, грузный спокойный Иван Максимович, с помощью молодого человека, выбрался из лодки. Осмотрелся и сказал: – Это остров на старице Москва-реки, Сергеич.

– Да понял я. Только к чему такая предосторожность: ехать из Москвы, потом военный санаторий, его закрытая территория, плыть на лодке? Этот заросший кустарником остров... Чувствую, предстоит особый разговор, не так ли, Иван Максимович?

– Так-так, Александр Сергеевич. Серьезный разговор. Там нас еще люди ждут, помнишь Олега Глебовича?

– Конечно. "Мастер анализа и планирования", так мы его называли. В Третьем управлении был. Я с ним работал.

– Ну и хорошо. Там еще двое будут. Из дружественных нам структур. Как и мы уже в отставке. Якобы не у дел.

– Понятно, Иван Максимович. Хотя "смежники" и не у дел? Кто поверит? Они до конца жизни при делах.

– Да ничего тебе не понятно.

Прибывшие, идя гуськом по еле заметной тропинке, петляющей в высоком кустарнике, вышли на небольшую полянку. Влажная трава, осинник со стороны реки, впереди заросли орешника, за которым виднелся луг. Пахло травой, полевыми цветами и жареным мясом, жужжали насекомые. В орешнике перекликались птицы. Начало лета. Солнце. Красота!

2

На полянке, прямо в центре на импровизированных табуретках, коими служили свежераспиленные чурбаны, сидели трое мужчин. В стороне у орешника дымился мангал, над которым священнодействовал еще один, седоусый, в выцветшем комбинезоне и берцах. Рядом с ним стояли коробки. Очевидно провизия.

– Товарищи офицеры! – Подал команду невысокий мужчина, чернявый, но с седыми висками, одетый с некоторым изяществом в светлые брюки, бежевую рубашку и тонкую легкую кожаную куртку. В его глазах светилось узнавание. Остальные двое, тоже вставшие навстречу новоприбывшим, с уважением смотрели на Ивана Максимовича.

Тот, поздоровавшись со всеми за руку, с удовольствием оглядел Олега Глебовича.

– Рад тебя видеть, Олег. – Повернувшись к остальным, добавил: – И вас, Василий Борисович, рад видеть. Не удивляйтесь, я изучил ваше Личное дело. А с вами, Георгий Константинович, знаком и рад встрече. – Пожимая руку второму "смежнику", улыбнулся генерал-полковник. – Признайтесь, наконец, родители вас в честь Жукова назвали?

Не дождавшись ответа, обратился к короткостриженному: – Знакомься с товарищами, Александр Сергеевич. И прошу всех присесть.

Иван Максимович первым опустился на поставленный Седоусым легкий полевой стульчик.

– Как ты, Герасимыч? – Он сидя повернулся к Седоусому.

– Все нормально, товарищ генерал-полковник. Жизнь продолжается, раз я еще нужен.

– Вот что, Герасимыч, с завтрашнего утра ты поступаешь в распоряжение Александра Сергеевича и будешь при нем плотно, тенью и щитом. А сейчас оставь нас. Налить и закусить сами сможем. Шашлык-то готов?

– Готов, товарищ генерал-полковник, уже на противне горячем, и укрыт, чтоб не остыл. Столик я рядом с вами поставлю. Провиант уже нарезан, в коробке. И холодильничек с горячим рядом. А я на внутреннем периметре буду.

Молодой человек, сопроводивший их на остров, внимательно что-то слушавший по необычному телефону, доложил:

– Товарищ генерал-полковник, внутренний периметр обеспечен, зоны исключения и ограничения в штатном режиме. Техническое противодействие – полное.

– Хорошо, Игорь, действуй по плану. Но сейчас собери-ка у товарищей генералов мобильные телефоны, ну и другую электронику, если есть. Покопайся в ней, может быть что-нибудь и найдешь. Двух часов тебе хватит? – Заметив удивленные взгляды, добавил: – Недоверие исключается. Некоторые телефоны, прежде всего штатовского производства, помимо воли хозяина могут транслировать или записывать информацию, а потом и передавать. Вы же об этом знаете не хуже меня. Вам выдадут другие телефоны, а свои потом получите у Игоря обратно, перенесете нужный минимум своих контактных номеров в новые телефоны, а старые оставите в рабочих сейфах.

Глядя вслед Игорю, уходящему вслед за Герасимычем, Иван Максимович тихо сказал:

– Он тоже в твоём распоряжении, Александр Сергеевич. Не смотри, что молод, хотя как молод? Подполковник, 37 лет. Ты же уже полковником был в его годы, а? Сергеевич?

– Да нет, полковником я в 39 лет стал.

– Вечно ты перечишь. – Иван Максимович улыбнулся и продолжил: – Игорь Самойлов – уникальный специалист по организации противодействия любой технической разведке. И радио, и радиотехнической, и космической, ну и так далее. Да и сам организует подслушивание, подсматривание, перехват, скрытую съемку, все что захочешь. Кстати, и по губам читает на расстоянии. Талант, одним словом. Со вчерашнего дня уволен из армии по собственному желанию. Мол, только на гражданке сможет реализовать свои способности. И уже уехал на родину в Иркутск. А Герасимыч – это легенда спецназа. В сухом лесу подойдет – не услышишь. Присядет в тени – не заметишь. Не смотри, что обычный человек на вид. Раньше ударом кулака в голову или в грудь убить мог. Говорят, саперный лом сгибал. Сейчас в отставке.

Тень легла на лицо Ивана Максимовича. Он задумчиво смотрел на далекие перистые облака над заходящим солнцем. Молчал. Присутствующие вдруг поняли, насколько озабочен этот большой, сильный, матерый человек, в прошлом легендарный начальник легендарного Главка Генерального штаба. И он начал говорить.

Глава 3

Активизация. Продолжение

Время – новейшее. Час "X" плюс двадцать два дня.

Место – особняк в пригороде Бартона

1

В большой светлой комнате, напоминающей конференц-зал процветающей крупной фирмы, с экранированными окнами, за продолговатым столом, уставленным ноутбуками, сидело десятка полтора людей, неуловимо похожих друг на друга, в строгих костюмах, белых рубашках, расстегнутых пиджаках. Одни, сидя переговаривались как старые знакомые, другие щелкали клавишами компьютеров, кое-кто встал из-за стола и прохаживался, держа руки в карманах, садился и опять вставал. Царила атмосфера ожидания. Внезапно дверь открылась, и в комнату стремительной походкой вошел высокий человек в сером костюме-тройке. Продолговатое, чисто выбритое лицо, крупный подбородок с ямочкой, цепкий, оценивающий взгляд. Подойдя к небольшой трибуне во главе стола, вошедший подождал, пока все заняли свои места, закрыли ноутбуки и приготовились слушать.

– Господа, я – полковник Джереми Фокс, – заявил человек в сером костюме энергичным голосом, – назначен руководителем Специальной объединенной разведывательной и контрразведывательной группы, в которую вошли вы, представители самых мощных разведок и контрразведок Запада. Мой первый заместитель – полковник Артур Коллинз, специалист по экономической разведке, – сидящий по правую руку седовласый импозантный человек в дорогом темном костюме встал и коротким кивком поприветствовал присутствующих, – второй заместитель – полковник Крис Полонски, специалист по контрразведке. – Сидящий слева белобрысый толстяк в синем костюме и бордовом галстуке неловко поднялся, оглядел присутствующих и также неловко сел. – Большинство из вас я знаю лично по предыдущей совместной работе, с личными делами остальных офицеров я внимательно ознакомился. Наша группа названа "Тени". Итак, приступим к делу.

2

– Из меморандума, с которым вы уже ознакомились, – напористо начал говорить Фокс, – Следует, что наша главная задача – это раскрыть все значительные планы России по экономическому развитию и, в первую очередь, закрытые для западного мира, секретные крупные контракты, действующие и планируемые. То есть заблаговременно установить и постоянно отслеживать, что планирует и к каким действиям в экономической области готовится Россия. Определить, каким образом она может противостоять плану "Разрушение". На нас также возложено контрразведывательное обеспечение подготовки и реализации плана "Разрушение", а также повседневной деятельности Стратегического Аналитического Центра "Эврика". Подождав немного, чтобы присутствующие осмыслили сказанное, что вряд ли требовалось этим многоопытным людям, Фокс продолжил: – При этом разведывательные организации, которые мы представляем, безусловно, будут работать на нас, в интересах плана "Разрушение". Мы будем формулировать для них частные задания, устанавливать порядок их выполнения, определять, какие силы должны быть нам выделены. Мы не будем ограничены в средствах, господи! А теперь, господин Коллинз, вам слово по предварительному плану экономических разведывательных действий. Затем господину Полонски предоставим возможность довести до нас предварительный план контрразведывательного обеспечения. Прошу.

Глава 4

Настороженность. Продолжение

Время – новейшее. Час "X" плюс двадцать два дня.

Место – Подмосковье

1

– Товарищи, то, о чем пойдет речь, составляет государственную тайну особой важности.

Иван Максимович замолчал, каким-то отрешенным взглядом разглядывая перистые облака над заходящим солнцем. Присутствующие ощущали насколько тяжел груз, который взвалил на себя генерал-полковник и затаили дыхание. Им было не по себе.

– Уже приняты беспрецедентные меры, чтобы никто не знал, о чем мы говорим и что будем делать. И у меня, и у вас назад пути нет. Хотя вы еще ничего не знаете. – Иван Максимович усмехнулся и продолжил. – Это уже не имеет значения. Слушайте. Три недели тому назад на Средиземноморье близ Риццы собрались богатейшие персоны Запада, те, которые правят миром, оставаясь, естественно, в тени. Позднее вы получите материал: кто, где именно, задуманный замысел, ставшие известными нам подробности. Эти воротилы, считающие себя истинными хозяевами планеты, если б не мы, то это так бы и было, договорились до следующего: растущая независимость России в политике, да и в экономике, появившаяся, пусть пока еще слабая, но прогрессирующая самодостаточность ущемляют их кровные интересы и отнимают у них огромную часть прибыли. Этого дальше они терпеть не будут. Россия стала им как кость в горле. Мы добиваемся успеха в реализации наших интересов на Ближнем Востоке, в Северной Африке, других регионах мира. Этим самым сужаем зону их интересов, их рынок сбыта, что для них свято! Тот факт, что мы владеем гигантскими запасами полезных ископаемых, до которых они не могут дотянуться, не дает им жить спокойно. А через несколько десятилетий и пресная вода станет стратегическим ресурсом, жизненно важным в прямом смысле. Озеро Байкал, великие сибирские и не только сибирские реки – это наше великое богатство. И что очень важно. К девяностым годам прошлого столетия безудержное печатание долларов Федеральной Резервной Системой привело к накоплению огромной массы этих ничем не обеспеченных бумажных денег. Эту массу надо было куда-то пристроить. Не объявлять же себя банкротом, если кто-то из главных владельцев этой макулатуры захочет единовременно ее реализовать. Это стало одной из основных причин разрушения Советского Союза. В результате Запад получил гигантский рынок, куда и сбросил в качестве кредитов этот бумажный мусор, назад же получая реальные активы. Так вот, Россия и некоторые наши партнеры уже находятся в начале пути к бездолларовой торговле. Конечно, это очень долгий путь. Сейчас нефть и привязанный к ней газ, а также оружие и другие стратегические товары торгуются за доллары. Пока, конечно, так и будет продолжаться. Но сам план России и партнеров избавиться от долларовой системы торговли и кредитов является кощунством с точки зрения этих толстосумов. Надо отдать должное американцам, их наглой силе и настойчивости, сумевшим в 1944 году подсадить мир на долларовую иглу.

Иван Максимович остановился, обвел взглядом присутствующих и продолжил. – Я вам читаю эту "лекцию" затем, чтобы вы знали побудительные мотивы этих персон и понимали, что они затеяли очень серьезное дело. – Помолчав, Иван Максимович продолжил: – Богатейшие люди Запада, имеющие решающее влияние на своих президентов, свои правительства, парламенты, конгрессы, вооруженные силы, спецслужбы, другие государственные и общественные институты, приняли конкретное решение разрушить Россию.

2

Генерал-полковник замолк. Лицо его застыло, глаза сузились, большие руки напрягались. Чудовищные слова, сказанные им, его вид, его внутренняя сила заставили присутствую-

ющих оцепенеть. Никто не мог произнести ни слова. – Им понятно, что атомную войну развязывать нельзя. Никто не даст гарантии, что высокоточным оружием удастся гарантировано выбить наши ядерные средства. А в случае нашего ответного удара ресурсы и рынки никому уже не понадобятся. – После паузы Иван Максимович продолжил: – Итак, для достижения своей цели они собираются уничтожить нашу экономику. Тогда Россия, по их мнению, развалится на удельные княжества, которые не составит труда прибрать к своим рукам. Для этого, кроме максимального ужесточения санкций – это само собой разумеется, надо подорвать нашу финансовую систему, исключив Россию из мировой системы взаиморасчетов, и, что чрезвычайно опасно, официально через государственные органы объявить наши частные капиталы вне закона, как имеющие сомнительную историю возникновения.

Помолчав, Иван Максимович добавил: – Насчет сомнительности наших частных капиталов... Тут они правы. – Продолжил: – И тогда частные капиталы, находящиеся в зарубежных банках, будут конфискованы. Вы представляете, чем это грозит? Если они составляют значительную часть наших финансовых ресурсов. Кроме того, кто и что им мешает заявить, что наши резервные государственные фонды в виде ценных бумаг, которые находятся в штатовских и других зарубежных банках, аккумулируют частные деньги и по своему происхождению тоже являются незаконными? И их конфисковать! Вы можете представить степень опасности для нашей страны? – Иван Максимович тяжело вздохнул и продолжил: – Это далеко не все. Они думают закрыть экспорт наших нефти, газа, металлов, оружия ну и далее по всему списку. Вплоть до экспорта пшеницы. Прекратить любые поставки промышленного оборудования, станков и современных технологий. Заставить продать им по дешевке полностью или частично наши месторождения природных ископаемых, перерабатывающие предприятия, транспортные линии, ну и все, что составляет стратегический потенциал нашей экономики. Разрушение экономики приведет к дестабилизации системы государственного и военного управления, массовому сокращению рабочих мест. Резко упадет благосостояние каждого россиянина. Вспыхнет недовольство населения властью. И вот тут включается вторая часть их зловещего плана, направленная на уничтожение руководства страной, вооруженными силами и органами правопорядка. В результате хаос, территориальный распад России, массовые потоки мигрирующих в поисках лучшей жизни, вооруженные бунты, ввод чужих вооруженных сил в качестве миротворцев. Потом и скупка всех образовавшихся отдельных территорий, физическое уничтожение руководителей всех уровней во всех областях деятельности. Уничтожение городов, всей промышленности, а также сельского хозяйства.

Генерал-полковник замолчал. Было видно, что ему нестерпимо трудно говорить. Упавшим голосом он продолжил: – Численность населения они планируют принудительно снизить до семнадцати миллионов человек. Эти, по их мнению, рабы будут жить в поселениях и обслуживать добычу полезных ископаемых и захоронение вредных отходов западного мира. Все, что они планируют, коснется буквально каждого гражданина России: более чем девяносто процентов нашего населения будет уничтожено, менее десяти – превратится в рабов.

3

Повисло тягостное молчание. Его нарушил Александр Сергеевич. – И что наше руководство собирается предпринять? Ведь в этой связи вы и собрали нас?

– Да. – Жестко ответил генерал-полковник. – Мы обязаны уничтожить эту угрозу. И это сделаете вы!

Посмотрев каждому в глаза, продолжил: – С завтрашнего дня вы все и не только вы, до особого распоряжения переводитесь на казарменное положение. За каждым из вас утром придет машина. Вы прибудете на один из заглубленных защищенных командных пунктов, где создается штаб операции. Цель операции: физическое уничтожение персон, замысливших чудовищную агрессию против нашего государства. Другого пути нет. Политический анализ показал, что такая акция к военному столкновению не приведет. Тем более, если мы не оставим

документальных следов. У этих дельцов значимых врагов в их мире больше чем достаточно. Свято место пусто не бывает, но вновь пришедшие на их места вряд ли решаться на такое. Мы преподадим мировым акулам страшный урок.

Операцию курирую я. Вы, Александр Сергеевич, – руководитель операции. Вы, Олег Глебович, – начальник штаба. Всю известную информацию о планах противника вы получите незамедлительно. Вы, товарищи, – глядя в упор на остальных генералов, произнес Иван Максимович, – заместители руководителя операции по своим вопросам. Прямо отсюда вы прибываете в свои главки, где ваши начальники поставят вам задачи и организуют с вами взаимодействие, утром же, как я и сказал – на командный пункт. Там вас будут ждать помощники и информационные материалы. Начальник и комендант пункта к операции допущены. Они отвечают за режим. Игорь Самойлов будет отвечать за скрытность выездных мероприятий. Ресурсы на операцию уже выделены. Будете обеспечены всем необходимым, но не более того. Александр Сергеевич, Олег Глебович, к детальному анализу информации и планированию приступить немедленно. В первую очередь определитесь, какой информации недостаточно, и кто еще вам нужен. Особое внимание уделить разработке мер прикрытия операции и оперативной маскировки. Вам, конечно, понятно, что оставленные следы должны будут вести в другую от нас сторону?

Что касается исполнителей, поговорим позднее. Я к вам на командный пункт прибуду послезавтра. Кодовое наименование пункта – "Яхонт". Вопросы, товарищи генералы? Надеюсь, у вас не возникла мысль, что речь идет о спасении наших доморощенных олигархов? – Генерал-полковник горько усмехнулся. – Наша цель спасти страну и наш народ.

К шашлыку и другому угощению они так и не притронулись. Им было не до этого.

4

Назад в Москву они возвращались уже затемно. Александр Сергеевич ехал в машине с генерал-полковником. На Фрунзенской набережной Иван Максимович остановил машину, выбрался из нее и прошел к парапету над Москва-рекой. Повернувшись, жестом позвал Игоря, выскочившего из остановившегося "Гелендвагена". Помолчал, посмотрел на подходящего следом Александра Сергеевича и сказал подбежавшему Игорю: – Поставь "купол", нам еще надо поговорить.

Игорь бегом бросился назад к "Гелендвагену", на крыше которого в темноте угадывалась необычная антенна. Увидев, как мигнули фары "Гелендвагена", Иван Максимович, придвинувшись, негромко сказал: – Тебя сейчас мучают по меньшей мере два вопроса. Первый: достоверность данных, которые мы имеем и которые получим. И второй: исполнители. Так вот. Разведданные получены и продолжают поступать из многих источников. Первоначально на светском рауте бывший президент одной европейской страны намекнул своему высокопоставленному приятелю о будущем разрушении России. Рассказывал о некоторых деталях, поскольку сам участвовал в той встрече. В израильской разведке есть достойные люди, которые дополнили эти данные другими, полученными из западных служб, поскольку они там имеют щупальца и в курсе задуманного против России. Да и у нас есть кое-кто в этих службах, подтвердившие некоторые данные. Есть у нас и информатор, привлеченный для работы в их аналитическом центре, разрабатывающем этот зловещий план. Некоторые детали сообщил наш человек из Опус Деи. Эта интересная организация имеет духовные представительства по всему католическому миру и не только по нему. Через эти представительства члены прелатуры распространяют Евангелие и много чего знают. Сейчас напряжены все наши службы, включая и дипломатические. Создана система вскрытия этого зверского плана. Вот так, с миру по нитке... Ты же знаешь, это как мозаика. Вкладываешь, вкладываешь кусочки и получается картина. – Иван Максимович помолчал, вздохнул и как-то доверительно, с некоторым удивлением в голосе произнес: – Знаешь, Саша, мне кажется, что там, на Средиземноморье, собрались не люди, а звери... Я их даже отчетливо вижу. Закрою глаза и вижу это зверье. Как можно обречь сто

пятьдесят миллионов народу на разруху, смуту, в конечном счете на рабство и нищету через разрушение их страны... Мы не можем дать им сделать это, Саша. Не имеем права. – Иван Максимович замолчал, нагнулся через парапет, рассматривая темную воду. – У меня, Саша, внук, старший лейтенант в спецназе, сейчас в длительной командировке находится. Мы с супругой его жену с четырехлетним правнуком к себе в Москву забрали. Карапуз на своем велосипеде по всему дому гоняет и кричит: – Деда, дай мне пулемет, я с террористами воюю!" До слез забавно. А внучка МГУ закончила. Факультет глобальных процессов. Замуж собирается. Неужели наши дети, внуки и правнуки не будут счастливы?!

5

Александр Сергеевич слушал генерал-полковника со щемящим сердцем, думал о жене, дочери с мужем, внуке-студенте юрфака. Он знал, что любой ценой, даже ценой своей жизни сделает возможное и невозможное, но добьется победы. Его недаром за несокрушимую волю называли "наш Жуков" в бытность заместителем министра обороны в одной из бывших среднеазиатских республик в кровавые годы "цветной" революции.

– А теперь об исполнителях. – Прервал его мысли Иван Максимович. – У тебя будут "чистильщики", "старая гвардия". Помнишь отдел опытных приборов связи, люди которого никогда не были ни в штатном расписании, ни в платежных ведомостях, нигде? Ты – единственный из моих заместителей, ну и конечно из всего Главка, кто знал о нем и работал с его людьми. Хотя задачу им ставил только я. Еще знал об отделе начальник Генерального штаба. При мне отдел расформировали, а данные на этих людей похоронили в особом сейфе на подземном пункте управления Генштаба. Доступ только у нынешнего начальника Генштаба и у меня. Действующий начальник нашего Главка об это не знает. Незачем. Это мои люди, и ты их возьмешь. Они составят костяк главной группы. Конечно, ты с Олегом создашь и другие группы, боевые, дублирующие, отвлекающие, имитирующие, обеспечивающие и так далее. Как там по нашей науке. Поэтому получишь и спецназовцев, и других крутых ребят из всех наших спецслужб, где только такие ребята есть. Кроме того, будут созданы боевые группы из ветеранов Военно-Морского Флота и Министерства внутренних дел. Ладно, вопросы будешь задавать потом, поехали. И все остальное тоже потом. Послезавтра я к вам наведаюсь.

Александр Сергеевич видел через лобовое стекло своей "Волги" как первым рванул "Чероки" охраны, затем ушли вперед на большой скорости бронированный "Мерседес" Ивана Максимовича, "Гелендваген" Игоря и замыкающая машина. Тронулась и "Волга" Александра Сергеевича, пропустив вперед неприметную машину их сопровождения. Он знал, что, несмотря на адреналин, бушующий в крови, дома он будет спокоен и даже весел. С зятем и внуком они обсудят дневные проблемы, сыграют партию в шахматы. Хорошо все же, что они живут все вместе, одной семьей. Телевизор смотреть он не будет. Поцелует жену и дочку, пораньше ляжет спать. Заставит себя быстро заснуть, хорошо отдохнет, а завтра впряжется и потянет тяжелый воз своей работы.

Глава 5

Активизация. Продолжение

Время – новейшее. Час "X" плюс двадцать три дня.

Место – корпус "Браво" научного института Горна, департамент Корида

1

В солнечный июньский день ровно в полдень на территорию частного научного института Горна, окруженную высоким глухим забором, через автоматические металлические ворот въехал огромный джип "Форд". За рулем сидела женщина с распущенными черными волосами в тонком кожаном костюме, рядом с нею развалился на сидении брюнет в легком белом костюме. На проходной они предъявили угрюмым типам специфической наружности в темных строгих костюмах и с автоматическим оружием электронные пропуска на имя Дэрэка Варуха и Мэри Стюарт. Подъехав к отдельно стоящему корпусу между аккуратно подстриженными лужайками и оставив машину на разлинованной стоянке, брюнет и брюнетка, вбежали по гранитным ступенькам. Это была красивая пара. Стройные, спортивные, уверенные в себе. Хорошо быть всего лишь сорокалетними, когда у тебя есть все: положение, деньги, здоровье, власть. Весь мир у твоих ног! Уже в вестибюле Дэрэк и Мэри прошли еще одну электронную проверку у внутренней охраны, которая уже с явным уважением проводила их на третий этаж. Видимо, она была заранее предупреждена. Дэрэк и Мэри ни на что и ни на кого не обращали внимания. Дэрэк по своему глубокому убеждению был "небожителем", выше всего этого, с самого рождения привыкнув к особому положению. Не обратив внимание и на лифт, почти бегом вбежали на третий этаж. Охранник, сопровождавший их, был вынужден бежать следом за ними. На третьем этаже Дэрэка и Мэри встретил толстый человек, плешивый, растрепанный, в очках и мятом дешевом костюме. Вместо ответного приветствия Дэрэк бросил толстяку: – Гарри, ты бы мог хоть сегодня погладить костюм и причесаться? – и не дожидаясь ответа: – Все собрались? Веди!

2

В большом конференц-зале институтского корпуса ходило, бродило, сидело на расставленных в беспорядке стульях, а кто-то и на огромном столе у левой стены, десятка три людей, в основном молодых, длинноволосых, небритых, являя собой прямую противоположность лощенному Дэрэку. Они смеялись, спорили, жевали жвачку, кое-кто ел бутерброд, запивая чем-то из бумажного стаканчика. На вошедших никто не обратил никакого внимания. Мэри, войдя в конференц-зал вслед за Дэрэком, остановилась у двери, расставив ноги и заложив руки за спину. Высокая, гибкая, в черном кожаном костюме, как в змеиной коже, она, похожая на опасную змею, с презрением смотрела немигающими глазами на этих, по ее мнению, недочеловеков. Дэрэк же, пройдя на середину зала, звучным голосом сказал: – За что я люблю армию, хотя в ней никогда не служил, так это за то, что она из всяких оболтусов делает людей. И вносит в любое дело четкую организацию. – И, повернувшись к сопящему Гарри, добавил: – Даю десять минут. Всем привести себя в порядок. Стол – на середину, стулья – вокруг него. Ноутбуки с подоконников, стульев, из углов – на стол. Приготовиться к работе. Время пошло! – И вышел из зала, услышав брошенный ему в спину недовольный возглас:

– А полегче он не мог? – На что задержавшаяся в зале Мэри показала недовольному неряшливому длинноволосому парню средний палец, затем направила на него указательный палец и угрожающе сказала: – Паф!

В профессорском кабинете Дэрэк негромко, но с явной угрозой выговаривал Гарри:

– Если так и пойдет в дальнейшем, то я тебя, Гарри, выгоню, не посмотрю на твои мировые заслуги, "золотую" голову и мое дружеское отношение. Мне нужен будет результат, а при

такой расхлябанности его не получить. – Он посмотрел на часы. – Пора, пошли к этой банде "яйцеголовых".

3

– Господа! – Пройдя не к столу, за которым расселась наконец научная "банда", а к окну, и резко повернувшись, Дэрек начал говорить, ощупывая взглядом каждого. Мэри по-прежнему осталась у двери, угрожающе глядя на собравшихся. Гарри, не осмеливаясь сесть, топтался у стены. – Я – Дэрек Варух. Мои достижения в науке и экономической практике, если вы их не знаете, найдете в справочниках и базах научных учреждений.

Варух сделал паузу, чтобы эта братия усвоила сказанное, и продолжил: – Я высоко ценю вас. Мне пришлось каждого из вас тщательно выбирать из сотен лучших ученых. Я знаю ваши достоинства и недостатки, вашу научную специализацию и возможности. Я ознакомился с вашими научными трудами и твердо уверен, что именно вы нужны мне и своей стране, хотя и представляете разные страны.

В это время входная дверь открылась, и в зал вошли двое. Они улыбались друг другу, переговаривались, энергично жестикулируя. Один из них соизволил наконец-то отвлечься от научной дискуссии и спросил: – Можно?

– А если я скажу "нельзя"? Сбор был назначен на 12.10. Сколько сейчас на ваших часах? Вы кто? – Но Дэрек, это же я, профессор Соломон Шрайдер, из Института Стратегических исследований. – Один из опоздавших, пятидесятилетний солидный человек с аккуратной бородкой даже стал заикаться. Другой же спрятался за его спину. – Ты, наверное, меня забыл... – Но мы же с тобой..., – споткнувшись о взгляд Дэрека, упертый ему в переносицу, сконфужено замолчал.

– Я никого и ничего не забываю. Садитесь. – Сквозь зубы процедил Дэрек. – Теперь для всех без исключения. Если сказано в 12.10, то значит в 12.10. И ни минутой позже, и ни минутой раньше! Впредь совещания, обсуждения и другие мероприятия будут так и начинаться: в 20.12 или в 22.13, или в 7.28. Всегда по-разному, но всегда в нерабочее время. И пусть попробует кто-нибудь опоздать! Выходной один – воскресенье. Рабочее время – с восьми часов до двадцати. Никаких отлучек, болезней и семейных обстоятельств.

В наступившей тишине не было слышно даже вдоха. Присутствующие затаили дыхание, боясь не только двинуть стулом, но и кашлянуть. Только изредка с испугом поглядывали на Мэри. Дэрек продолжал: – Вы изучили, надеюсь, план-задания, которые я вручил через своего заместителя, Гарри Ройтмана, каждому из назначенных мной руководителей отделов и секторов. Руководители секторов должны были план-задания выдать каждому, а руководители отделов проконтролировать. И каждый должен был предварительно письменно подтвердить свое обязательство соблюдать секретность. Распределение заданий, права моего заместителя, руководителей отделов и секторов не обсуждаются. Информационная база всего мирового научного сообщества к вашим услугам, также в части, вас касающейся, данные и разработки любой специальной и разведывательной службы, за исключением российских и китайских. – Дэрек усмехнулся. – Но главным поставщиком данных, на которых должны базироваться ваши выводы, – является Специальная разведывательная группа "Тени". – Через паузу продолжил: – Ровно через двадцать дней я заслушаю каждого из вас, не руководителей отделов и секторов – их само собой, – а каждого: что сделано в соответствии с план-заданием. Возвращаюсь к личной ответственности. Ваш труд будет оплачиваться более чем достойно. Суммы вам известны. Но за несвоевременное выполнение план-заданий, неорганизованность, опоздания, смуту, вносимую в рабочую обстановку, выяснение личных отношений и так далее, буду наказывать штрафом. И еще запомните: если Стратегический аналитический центр "Эврика" не выполнит свою работу, то карьера каждого из вас на этом закончится! По ходу дела я буду усиливать Центр новыми людьми. Кое с кем из вас, возможно, буду расставаться.

Дэрек повернулся к окну и, глядя на ухоженную территорию института, не поворачиваясь, сказал в полной тишине: – Сейчас здесь же с вами побеседует господин Полонски. К его рекомендациям отнеситесь более чем внимательно. – Помолчав, ощущая, что каждое его слово ждут с напряжением, добавил: – Ройтману докладывать мне ежедневно. С руководителями отделов я буду встречаться индивидуально каждые три дня, с руководителями секторов – каждые пять дней. График встреч доведет господин Ройтман. Я буду располагаться в этом же корпусе в сенаторском блоке. Самостоятельное обращение ко мне исключается. В самом крайнем случае – через Ройтмана. Я выражаюсь ясно? Все вопросы к Ройтману.

Дэрек повернулся и, не глядя ни на кого, и не прощаясь, вышел из зала.

Глава 6

Сосредоточение. Начало

Время-новейшее. Час "X" плюс двадцать четыре дня.

Места – "Яхонт", Московская область, ОВД района Арбат ЦАО, Москва

1

Александр Сергеевич сидел за длинным столом, стоящим посередине большой удлиненной комнаты с невысоким светло-бежевым потолком и стенами из светлых деревянных панелей. Окон, естественно, не было. На их предполагаемых местах были повешены фотообои в рамках, имитирующие вид за окном, в основном среднерусские пейзажи. У длинной стены находился еще один стол, тоже длинный и наклоненный наподобие пюпитра. Он был предназначен для работы с топографическими картами. Слева от него на этой же стене были смонтированы приспособления для крепления больших развернутых топографических карт. Короткая же стена более чем наполовину была заставлена железными шкафами, рядом с которыми на оставшейся свободной части висела большая интерактивная доска. У противоположной короткой стены между среднерусскими пейзажами стояли письменные столы с индивидуальными сейфами. На второй длинной стене с входной дверью висел большой монитор. У этой же стены на оставшемся пространстве также стояли письменные столы с индивидуальными сейфами. Комната освещалась приятным светом наподобие естественного, мало утомляющим глаза. Практически неслышно гудела фильтровентиляционная установка, подающая очищенный, чуть прохладный воздух. Напротив Александра Сергеевича сидел Олег Глебович. Оба были в легких голубых рубашках с короткими рукавами, тонких свободных брюках синего цвета, легких туфлях со специальными дырочками поверху и на низком каблучке. Удобное одеяние для долговременной работы в помещении глубоко под землей с постоянной комфортной температурой. Они тихо изредка переговаривались, работая на специальных ноутбуках и одновременно с бумажными документами. Шел предварительный анализ полученной информации. За одним из письменных столов с большим ноутбуком странного вида работал Игорь Самойлов, на нем были такие же рубашка, брюки и туфли. Видимо все три компьютера были объединены в локальную сеть. Игорь видел на экране всю информацию, которая сопровождалась значками-маркерами, поставленными Александром Сергеевичем и Олегом Глебовичем.

В соответствии с этими маркерами он проводил отбор и систематизацию данных, иногда следуя и скупым устным указаниям старших. Георгий Константинович, в прошлом один из лучших аналитиков Службы внешней разведки, приземистый, широкий в кости, со светлой густой шевелюрой, в которой слабо просматривалась седина, присущая его возрасту, и Василий Борисович, один из лучших специалистов специального планирования Федеральной Службы безопасности, высокий худощавый сидящий шатен с большими залысинами, оба так же одеты, как и остальные, сидели за письменными столами между пейзажами и молча работали на своих компьютерах. Их ноутбуки, очевидно, принимали информацию из соответствующих главков. В комнате находился еще один офицер в таком же одеянии, сравнительно молодой, с черными густыми волосами, голубыми глазами и приятными чертами лица. Он сидел за большим письменным столом, косо поставленным в углу так, чтобы сидящий за ним начальник обозревал всех, находившихся в комнате, а также входную дверь. Очевидно, по предназначению это был стол одного из заместителей начальника оперативного управления. Это управление – мозг любого оперативного или стратегического объединения. На этом столе, кроме стационарного монитора стояли два ноутбука. За одним из них, большим как у Игоря, и работал молодой офицер.

– Новое есть, Виктор? – периодически спрашивал Олег Глебович. Компьютер Виктора работал в сети их Главка и принимал свежую информацию. – А у вас, коллеги? – обращался он к смежникам. – Сбрасывайте информацию нам.

Виктор Найденев, конечно, не был начальником. Он отвечал за прием данных извне, поэтому был посажен за компьютер, работающий во внешней сети. Шла обработка поступающих данных в реальном масштабе времени. Если на всех столах стояли только телефоны внутренней связи, то на большом столе у Виктора стояла целая батарея телефонов закрытой внешней связи. Выделялся отдельно стоящий телефон с российским гербом, большой, кремового цвета. Так называемая "правительственная связь", особо закрытая связь с высшим руководством страны.

2

Заработала громкая связь: – Товарищ генерал-лейтенант, прибыл Иван Максимович.

Александр Сергеевич молча встал, несколько раз нагнулся вперед-назад, разминая затекшую спину, и вышел из комнаты. Минут через тридцать, очевидно после экскурсии по командному пункту и беседы тет-а-тет, оба генерала вошли в комнату.

Поприветствовав каждого рукопожатием, Иван Максимович уселся за длинный стол рядом с Олегом Глебовичем и напротив Александра Сергеевича. Жестом остановил Виктора, пытавшегося уступить ему место за начальственным столом. – Работаешь, сиди и работай. Ну, докладывай, Александр Сергеевич.

– Товарищ генерал-полковник, поскольку объем боевой работы, примерное количество групп и число бойцов мы уже грубо представляем, то, изучив "Яхонт", мы уже определили места приема и размещения боевых групп, групп специального обеспечения, учебные места и помещения для подготовки к действиям с учетом необходимости повышения индивидуальной подготовки, боевого слаживания групп бойцов, подготовки обеспечивающих специалистов.

– А предусмотрено ли, чтобы бойцы лишнего не знали? Других бойцов, с которыми взаимодействовать не будут. Как-то их разводить надо в течении нескольких недель в условиях ограниченного пространства. Каждый должен знать только бойцов своей группы и непосредственно взаимодействующих с ними, а также обеспечивающих спецов. Ну и так далее.

– Это само собой разумеется, Иван Максимович. Все в этой связи предусмотрено. Главное, чем мы сейчас занимаемся, – продолжил Александр Сергеевич, – это анализ имеющихся данных. Пока в планировании продвинуться дальше мы не можем.

Подготовлены заявки на дополнительную информацию. Ждем боевые группы. Готовы начать их предварительную подготовку. Пока, на период планирования, как вы видите, размещаемся здесь. Это – группа оперативного планирования. Удобно и связей достаточно. С началом операции, предлагаю присвоить ей кодовое наименование "Противостояние", с переходом к активной фазе, которую предлагаю именовать "Противодействие", перейдем в Центр боевого управления. В ЦБУ на его мощные и суперзакрытые приемо-передающие станции выведем все наши связи с руководителем операции и даже с боевыми и обеспечивающими группами.

– Нам еще нужна информация по линии дипломатов. – Подал голос Олег Глебович и посмотрел в сторону "смежников". – Их представителя у нас нет. И еще мы подготовили предварительную заявку на оружие и снаряжение. Все у нас должно быть иностранное и самое лучшее. Его нужно складировать на Средиземноморье в районе Риццы. Не повезем же мы его с собой. Срок складирования я указал.

– Хорошо. Выход на дипломатов через меня. Заявку на оружие и матчасть давайте мне.

Иван Максимович помолчал немного и сказал: "Пойдем Сергеич, посмотрим еще "Яхонт".

Идя по слабо освещенному коридору, генерал-полковник бурчал: – Они что, электричество экономят.

Войдя в кабинет Командующего через предусмотрительно открытую бронированную дверь и закрыв ее за собой до щелчка, они расположились в глубоких креслах. Помолчали. Иван Максимович, оглядел комфортабельную обстановку, задержался взглядом на большом портрете Суворова. Затем, понизив голос, сказал: Вот тебе список фамилий, мест нахождения "чистильщиков", кое-какие на них данные и документы для представительства. – Он протянул большой конверт и лист бумаги, на котором крупным ученическим почерком были написаны семь фамилий с краткими данными. Сразу узнав почерк Ивана Максимовича, своего многолетнего начальника, Александр Сергеевич подумал: – Когда надо, даже мелочи делает сам. Никому самое важное не доверяет.

– Слушай, Саша. Эти люди в свое время выполняли грязную работу по всему миру. Они никому не доверяют, разве что только мне. В лицо кроме меня знают только тебя, поскольку ты с ними когда-то работал. С любым другим они говорить не будут. Поэтому с каждым из них будешь говорить сам лично. И каждому передашь просьбу, слышишь, мою личную просьбу – помочь. Ты понимаешь, что приказывать им мы не можем. Мы их отпустили, хотя в других странах таких людей не отпускают, а уничтожают за ненадобностью. Мне пришлось долго кое-кого убеждать не делать этого, а отпустить подобра-поздорову. «Чистильщики» это знают и благодарны мне. А с другой стороны, их выбросили как использованную салфетку, которой вытирали грязь, – Иван Максимович остановился, сам удивившийся образности и точности сравнения, ведь на самом деле страна ими удаляла опасную грязь, и продолжил, – а получилось, что их выбросили на улицу без средств к существованию, за исключением мизерной пенсии. Хотя понимали, что, кроме как убивать, они ничего не могут и никогда ничему толковому не научатся. Но в этом я не виноват. И это они знают. – Иван Максимович остановился, подумал и сказал: – Что я в тебе ценю, кроме всего прочего, так это то, Саша, что ты лишних вопросов не задаешь. Да и вообще многословием не страдаешь. Теперь еще об очень важном. Тебе я привезу двух "диктаторов". Ты, конечно, о них не слышал. – Иван Максимович молчал, пытливо вглядываясь в лицо Александра Сергеевича. Но так как его последняя фраза прозвучала утвердительно, а не вопросительно, Александр Сергеевич промолчал с каменным лицом. Хотя однажды совершенно случайно он о "диктаторах" слышал, но не поверил. – Нет, Саша, слышал ты о них. Несмотря на твое на редкость неподвижное лицо от природы и от характера нашей службы, чувствую, что слышал. – Протянул Иван Максимович ехидным голосом. – Ну да ладно. Привезу их лично. Они способны на расстоянии до пяти метров подчинить себе любого человека и продиктовать ему свою волю. Это не гипноз. Это что-то неизвестное. Они могут быть использованы в особом случае, если надо будет подойти к объекту, а другие средства не годятся. – Помолчав, Иван Максимович добавил: – Это семейная пара. Когда мы их готовили, чтобы сузить их контакты на стороне, решили просто поженить. И ты представляешь, они до сих пор любят друг друга без памяти. Если, Саша, кто-нибудь из них погибнет, то второй умрет от горя. Я тебе вручаю не просто уникальных, а очень хороших людей. Ты уж побереги их. Это не твои "волкодавы", способные выжить в плотном огневом контакте, а очень беспомощные, как и все гражданские, люди. – Генерал-полковник, опустив голову, помолчал, рассматривая свои большие кисти рук, вздохнул и добавил: – Саша, ты, нашел взаимопонимание с руководством "Яхонта"? – Все нормально, Иван Максимович, – ответил Александр Сергеевич, срабатываясь. – Договорить ему не дал голос из громкоговорителя: " Прошу разрешения. Комендант подполковник Махов. Зеленая кнопка с надписью "Дверь" на пульте слева".

Дверь была такая, что стучать бесполезно. Александр Сергеевич прошел к креслу за огромным столом, поискал глазами на пульте и нажал зеленую кнопку. Дверь щелкнула, открылась, и в кабинет зашел комендант с подносом в руках. Поднос поставил на небольшой журнальный столик, стоящий между креслами генералов. На подносе были расставлены две чашки с блюдцами, сахарница, чайник с кипятком, кофе, чай в пакетиках и ваза с печеньем. – Вы, наверное, Махов, на флоте служили. Это там чаще говорят не "разрешите", а "прошу раз-

решения", – по-доброму пробурчал Иван Максимович, – сами решили поухаживать? – Так никому нельзя ни находиться здесь, ни видеть вас. А судя по времени приезда, вы, товарищ генерал-полковник, пообедать-то в Москве не успели. А Александр Сергеевич про обед просто забывает. Я вчера уже заметил. – В глазах коменданта плясали смешинки. Было видно, что это хваткий, опытный и уверенный в себе офицер. – Ладно, – довольно проговорил Иван Максимович, – бери вон в серванте третью чашку, придвигай стул. Вместе почаевничаем. – Комендант стесняться не стал и принялся хозяйничать за столиком. Чай был хорош, и печенье оказалось кстати.

– Товарищ генерал-полковник, с сегодняшнего вечера пункт переводится в степень "Повышенная". Усиливается оцепление, нарастают технические средства противодействия, организуется вертолетное патрулирование. На подъездах выставляются дополнительные посты.

– Своей активностью вы сами демаскируете свой командный пункт. – С легким искусственным недовольством пробурчал Иван Максимович.

– Вопрос не ко мне, а к начальнику Генерального штаба, товарищ генерал-полковник. Уверенным тоном ответил комендант. – Объявлена внезапная штабная тренировка на нашем пункте, так что это обычные плановые меры.

– Ладно-ладно. Это была моя просьба. – Усмехнулся Иван Максимович.

– Товарищ генерал-полковник, начальник пункта ждет вашего вызова. Добавил комендант.

– Пусть он меня проводит к машине, – Иван Максимович медленно встал, – пора ехать, а ты, Александр Сергеевич, иди работать. – И пошел к двери, запямятовав, что она открывается командой с пульта. Идя в комнату планирования, Александр Сергеевич чувствовал, как список "чистильщиков" в нагрудном кармане голубой рубашки жжет кожу. Ими займусь завтра с утра, думал он, надо сегодня не позднее двадцати часов выезжать в Москву. У двери комнаты планирования прохаживался Герасимыч.

– Что у тебя, Герасимыч?

– Пришла вторая машина для вашего постоянного сопровождения. Волга с форсированным двигателем и трое ребят по полной боевой из комендантского батальона Главка. А то, что вашу персоналку и первую машину сопровождения заменили, вы в курсе? Вместе с водителями и охраной? Вы же уже второй день из этой комнаты не выходите и ничем не интересуетесь. – Знаю, звонили. Ты вот что, Герасимыч, возьми у коменданта специальные пропуска. Объявлена "Повышенная", охрана усилена, посты вокруг, дополнительное оцепление. Сегодня в Москву махнем. Домой поеду. Завтра с утра по Москве и области будем ездить. Наверное, весь день. Выезд – в двадцать часов.

– Пропуска в кармане. Машины заправлены. Водителей и охрану проинструктирую.

– Смотри, здорово не инструктируй. Это специальные люди, и правила у них свои. Еще обидятся.

– На обиженных воду возят. Они ведь не знают, когда выезжаем, куда везти и где вы живете. Разрешите идти. – Герасимыч был уверен в своей правоте.

3

В Москву выехали, как и планировали. Было еще светло. На широте Москвы летом в это время начнет темнеть минут через тридцать. Но вечерняя прохлада уже заявила о своих правах. И поднявшийся ветерок добавлял бодрости. Когда рассаживались по машинам, Герасимыч безоговорочно открыл правую заднюю дверь, дождался, пока Александр Сергеевич с недовольным видом усядется на заднем сидении, а сам с невозмутимым видом сел впереди. Новый водитель, сравнительно молодой парень, аккуратно одетый, своей молчаливостью и отсутствием подобострастия понравился Александру Сергеевичу. Уверенный взгляд, массивные плечи, легкие движения. Под пиджаком в наплечной кобуре угадывался тяжелый пистолет. – Парень-то

не прост, – подумал Александр Сергеевич, – и машинка у него солидная, – наметанным взглядом он ощупал фигуру водителя, – очевидно, "Стечкин".

Резко ушла вперед головная машина, следом тронулись и они. Сзади, как привязанная, шла вторая машина сопровождения. На постах их не останавливали, видимо были предупреждены, лишь провожали внимательными взглядами. Вырвались на шоссе. Маленькая колонна ходко шла к Москве. Чувствовалось, что двигатели у всех трех "Волг" были форсированные. Чтобы разгрузить голову, Александр Сергеевич попытался думать о посторонних вещах. – Пусть о задаче сейчас Олег думает. У него с анализом данных лучше получается. – Александр Сергеевич искренне уважал Олега Глебовича за аккуратность не только во внешности, но и в работе, за скрупулезность, системное мышление, умение видеть главное и, конечно, за чутье, позволяющее безошибочно отбрасывать при анализе данных всякую шелуху еще на раннем этапе. – А Герасимыч хорош, тоже мне преторианец, видит во мне только объект опеки. Как он меня назад усадил! Ведь понял, что я рядом с водителем люблю ездить. Нет, на своем настоял! Причем без всяких словесных просьб. Железный Дровосек из сказки. Да, приказ Ивана Максимова – для него закон. По справке, подsunутой Олегом, Герасимыч – старший прапорщик Котляров в отставке, служил в спецназе, побывал в большинстве мест, где только воевали. Уникальных физических способностей человек! И стреляет как снайпер, и водит любую технику, как на колесах, так и на гусеницах. Мастер ножевого боя. Хоть и возраст, и ранен был неоднократно, здоров как бык. Немецкий и английский знает, между прочим. Несмотря на это все, выбросили из армии за ненадобность. О чем только кадровики думали? Страшные времена пережила армия. Ладно, буду думать о другом. Внук все же молодец! На мое предложение подумать о военно-юридической службе по окончании института, твердо заявил: – Решу сам! – не хочет, видите ли, чтобы дед протезировал. Несовременная точка зрения, но правильная. Мне же самому никто не протезировал. Командиры и начальники посылали учиться в академии и продвигали за хорошую службу. Не более того. Десантное училище, девятая рота, которая готовила офицеров для спецназа, и попал в которую из-за первого разряда по боксу и приличного знания французского. Спасибо средней школе с углубленным изучением иностранного языка. Кстати, французский сейчас может и пригодиться. Потом пришлось выучить английский, немецкий и пушту. Затем Командная академия имени Фрунзе, потом Академия Генерального штаба. Не считая средней школы, учился девять лет. Надо переключиться на что-нибудь отвлеченное. – Умел он управлять собой. Однако мысли текли все о том же: – Училище. Потом лейтенантские погоны, служба в различных бригадах спецназа. Служба в Афганистане советником командира полка, потом бригады, дивизии. "Цветная" революция в Таджикистане. Решением министра обороны откомандирован в одну из средне-азиатских республик. Служил там вначале заместителем, потом и первый заместителем министра обороны. Возвращение домой, начальник управления в Главке, потом заместитель начальника Главка, правда, один из нескольких заместителей. Чистых семь лет участия в боевых действиях. Боевые ордена. Да, пришлось... Вот и демобилизация. Думал, отдохну, наконец. Ан, нет! Привлекают и привлекают...

За этими мыслями Александр Сергеевич так и не заметил, как доехали. Охрана быстро, чтобы не задерживать, проверила подъезд, лифт, лестницу и лестничные площадки. Попрошавшись с водителями, он поднялся к себе домой, следуя буквально за широкой спиной Герасимыча. Опять подумал: – Вот же какой преторианец!

Простился с Герасимычем и охраной и зашел в квартиру. Так закончился этот непростой рабочий день. Нет, не рабочий, а очередной день его жизни.

4

На следующее утро, в восемь часов, когда Александр Сергеевич уже находился в прихожей и готов был выйти из квартиры, раздался звонок на мобильный. В трубке голос Герасимыча: – Здравия желаю, я на площадке.

Да, – подумал Александр Сергеевич, – поистине краткость – сестра таланта.

Вышел из квартиры, пожал руку Герасимовичу, который тут же безапелляционно заявил: – Вот Павел, – указал он на стоявшего в стороне рядом с другим охранником крупного мужчину в джинсовом костюме, – он остается здесь. Будет не в вашей квартире, а поблизости. Покажите его вашим родным и скажите им, чтобы дали ему номера своих телефонов и выполняли его рекомендации.

Александр Сергеевич вздохнул, повернулся и пошел обратно домой. Он, конечно, все понимал. Спустившись вслед за Герасимычем во двор дома, Александр Сергеевич сунул ему бумажку с первым адресом, – читай, мол, в начале едем туда, – и сел в машину. Без интереса наблюдая, как собравшиеся заранее водители, выслушав Герасимыча, бросились к своим машинам с заведенными двигателями, и охрана, сорвавшись со своих точек, мгновенно влетела в машины, Александр Сергеевич думал о первой, наверняка трудной встрече. Подъехав к Отделу внутренних дел района Арбат по адресу Кривоарбатский переулок, дом 14, Александр Сергеевич приказал: – Со мной ты, Герасимыч, и двое из охраны.

Представился дежурному по отделу, показав один из документов из того большого конверта: – Старший следователь военной прокуратуры Хабаров. Мне надо видеть начальника отдела.

Войдя в кабинет, опять представившись, пожал руку предупрежденному дежурным по телефону начальнику. Затем Александр Сергеевич достал из папки другой документ из того же конверта и сухим голосом произнес: – Мы забираем у вас Устюгова. Он – военный, хоть и в прошлом, все же убийство, пусть и непредумышленное. И заведенное на него дело прошу передать мне.

Начальник, пожилой полковник полиции, позвонил куда-то, очевидно, в военную прокуратуру и сказал: – Ну наконец-то. Я боялся, что ненароком он порвет кого-нибудь из моих. На нем два убийства. Один в машине Скорой скончался, второй – в Склифе, третьего еле откачали. Мои сотрудники в камеру бояться к нему зайти. Я сам вас провожу.

Спустившись в подвальное помещение, где находились камеры предварительного заключения, и, подойдя к крайней двери, начальник сам открыл глазок и сказал: – Полюбуйтесь, вот так и ходит, как тигр, не спит, не ест вторые сутки. Нары сорвал. Сила чудовищная. Ждали, что решетку выломает, когда увидели в глазок, как он на ней подтягивается. Убил ведь голыми руками, вроде защищая молоденькую парочку от нацменов. Ходит, ходит, упадет плашмя на пол и отжимается, потом опять ходит. Часами на полу сидит, ноги под себя, глаза закрытые, вид отсутствующий. Медитирует, что ли.

Александр Сергеевич увидел в глазок поджарого невысокого человека чуть старше средних лет, мягкими шагами пересекающего небольшую комнатку. Повернувшись к Герасимычу и своей охране, следовавшим по пятам, сказал: – В машину! И внимание, особо опасный преступник.

Приняв у сопровождавшего их местного следователя пакет с уголовным делом, тут же расписавшись и пожав начальнику отдела и следователю руку, Александр Сергеевич пошел на выход. Сев в машину, он подождал, когда выведут Устюгова, крикнул: – Сюда ведите, в мою машину. – И, подождав, когда подведут, приказал: – Сажайте сюда, рядом со мной. И идите все погуляйте. Позову. И ты, Герасимыч, тоже иди, нечего здесь пыхтеть, недовольство показывать, закрой только нашу дверь.

Повернувшись, Александр Сергеевич пристально взгляделся в невозмутимое лицо сидящего рядом с ним человека, полистал книгу своей памяти: – Да, это он, Александр Устюгов.

– Ты помнишь меня, тезка?

– Я вас еще через глазок узнал, товарищ генерал-лейтенант. Или уже не товарищ, а гражданин? Там сколько трупов образовалось? Один? Два?

Александр Сергеевич искренне расхохотался. – Через глазок, говоришь? Вначале, тетка, я выскажу тебе свое недовольство. Как можно было так опрометчиво себя проявить! Это прокол. Какие-то нацмены, калечить их, убивать. Нездорово.

– Эта нерусская, извините, мразь мало того, что хозяйничает в моей стране, но и унижает наших людей. Мальчик решил в кафе девочку угостить мороженым во время первого свидания, а тут эти, трое.

Устюгов замолчал. Застыл, только желваки ходили под темной, дубленой ветрами всех континентов, коже. Потом продолжил: – А для чего я должен беречь себя и не прокалываться, а, Александр Сергеевич? Да, не думал я, что в военную прокуратуру поеду в сопровождении замначальника Главка генерал-лейтенанта Хабарова по прозвищу Кремень! И не догадывался, что меня так боятся.

– Ладно, тетка. Шутки в сторону. Я приехал к тебе, чтобы передать привет от Ивана Максимовича и его просьбу. Просьбу выслушать меня и согласиться помочь в важном деле. Важнее этого дела другого быть не может. Ты нужен, Саша, нужен, прежде всего, Ивану Максимовичу. И стране.

– Про страну я слышу не первый раз, – зло ответил Устюгов, – а вот Ивану Максимовичу... – Устюгов долго молчал, тоскливо глядя на спешащих куда-то людей, сидящих бабушек у подъезда дома напротив, бегущих мимо мальчишек, явно опоздавших в школу, и чувствовал, что он никому не нужен. Кроме...

– Согласен. Что надо делать? И что по поводу убийства?

– Про убийства забудь. А делать тебе вот что...

Глава 7

Предыстория. Начало

Время – предновейшее. Час "X" минус год.

Место – город Химки. Московская область

1

Весна. Середина мая. По небу бежали облака, стараясь закрыть щедрое на тепло солнце. Легкий ветерок шевелил верхушки деревьев, пытаюсь рассказать им свою историю, они же отвечали ему шелестом листьев. Ничто не предвещало обещанного метеослужбой дождя. Юрий Борисович Новиков, военный пенсионер в сорок восемь лет, невысокий, лысоватый, на вид полноватый светлый шатен, в джинсах и темно-синей тонкой куртке, сидел на скамейке центрального парка. Здесь в дальней аллее он по ежедневному обыкновению кормил голубей хлебом, принесенным с собой. Задумчиво кроша четвертинку батона, лениво думал: – Хоть о ком-то забочусь. Семьи нет, товарищи детства забылись, коллеги по службе растерялись по свету, друзей нет. Уже нет.

Защемило сердце. Вспомнился единственный в жизни близкий друг, Сережа Козлов, погибший в амазонской сельве, подстреленный с вертолета и упавший с плота в коричневую жижу полноводной чужой реки. Новиков, в это время раненый, в беспамятстве лежал на плоту, окруженный бойцами группы "Дельта", стремящейся вырваться из западни. Давно это было. Тропический дождь, сполохи стрелкового огня с левого берега и этот чертов вертолет. Как он в такой дождь смог прилететь? А группа задачу выполнила... И Новикова вытащила. После той командировки были еще. Но именно та врезалась в мозг и не давала покоя по ночам. В своих кошмарных снах он стрелял и стрелял, что-то кричал и выискивал воспаленными глазами очередную цель. Потом гранатометный выстрел с берега, удар и чернота. Вспомнил свою растерянность, когда узнал, что уволен из армии. Он же ничего больше другого, кроме как служить, в этой жизни не умеет! Странно теперь жил Новиков. Спал, ел, поддерживал физическую форму скорее по привычке, чем по необходимости, тщательно убирал квартиру, никуда не ездил, телевизор не смотрел, газеты не покупал, компьютера не имел, даже не имел сотового телефона за ненадобностью, ни с кем не встречался. Поздними вечерами часто сидел на диване, рассматривая многочисленные спортивные награды: медали, кубки, грамоты, развешанные на стене и расставленные на серванте. Мастер спорта по пулевой стрельбе из винтовки. Выполнил норму "мастера" давно, еще заканчивая школу. Последний раз выступал, будучи на последнем курсе Рязанского десантного училища, на первенстве то ли ВДВ, то ли Московского округа. Юрий Борисович не помнил. Все было, как сейчас казалось, в чужой далекой жизни. Потом участвовать в спортивных соревнованиях не позволяла офицерская служба. Иногда брал в руки книгу, в доме была прекрасная библиотека. Раньше чтение было его страстью, но сейчас читать у него не получалось. Подолгу сидел над раскрытой книгой, не понимая прочитанного. Закрывал книгу и шел в парк. Он все делал автоматически. Казалось, что внутри все покрылось коркой из обожженной глины. Из развлечений – только шахматы и голуби. Юрий Борисович тяжело поднялся, давали знать ранения и приобретенный в джунглях ревматизм. Каждое утро приходилось долго разминаться, складываясь, садясь на растяжку, раскачиваясь сидя на корточках, отжимаясь от пола, подтягиваясь на турнике в коридоре и на нем же качая пресс. Радовался, когда приходила легкость, и суставы начинали нормально работать. Но стоило только немного посидеть, и тело застывало, а в суставы словно сыпанули песка.

– Уже не живу, а просто бесполезно существую. – Подумал Новиков и пошел играть в шахматы с пенсионерами на площадке под навесом, у выхода из парка. – Этот шустрый дедок, надо же, выиграл у меня вчера две партии подряд, судя по виду и ухваткам, бывший военный. Надо у него взять реванш, если он сегодня придет.

Он никого не знал, с кем почти каждый день играл в парке в шахматы. С людьми Новиков сходил плохо, не хотел никого пускать в свою жизнь. Да и другие люди его не интересовали.

2

После шахматной игры Юрий Борисович возвращался домой в свою просторную двухкомнатную квартиру уже к вечеру, сыграв удачно на высадку подряд пять партий. Сегодня он был в ударе. – А ведь удалось у этого военного дедка выиграть, – довольно думал он. Вот и его дом, большой, сталинской постройки, где он унаследовал квартиру у родителей, отца, полковника ракетных войск, и матери, школьной учительницы, ушедших из жизни четыре года назад. Отец умер от инфаркта, а мать не могла жить без мужа и ушла через полгода. Входя в подъезд, Новиков вспомнил, как вчера здесь же к нему подошел какой-то человечек неприятной внешности с искусственными зубами и бегающими глазами. – Вы живете в пятой квартире на третьем этаже? – И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Мы должны купить вашу квартиру. Деньги дадим хорошие.

Юрий Борисович поморщился, почувствовав гнилостный запах изо рта человечка.

– Квартира не продается. – Новиков, не обращая внимания на попытку продолжить разговор, пошел пешком на свой этаж. Пренебрегая лифтом, он всегда стремился давать работу своим мышцам и суставам. Сегодня в подъезде никого не было, однако сверху доносился какой-то разговор на повышенном тоне. Когда он поднялся на третий этаж, застал неприятную сцену. У соседней, шестой квартиры, в которую неделю назад вселилась молодая хрупкая женщина с огромными испуганными глазами, здоровенный молодой толстяк в спортивном костюме тряс за плечи эту женщину и почти кричал: – Ты, лярва, продашь квартиру или вылезешь из окна.

Новиков остановился и произнес тихим голосом: – Полегче.

Стоящий поодаль субтильный тип в таком же адидасовском костюме, придвинулся и засунул руку в карман. – Проходи, дядя, не твоего ума это дело.

Новиков молча ударил ладонью снизу вверх в нос толстяку, повернувшегося к нему, и, развернувшись, заехал субтильному типу ногой в промежность. Толстяк заверещал, выпустив женщину, и схватился руками за лицо. А тип истошно крича, держась за свое хозяйство и подогнув колени, упал набок и стал кататься по площадке. Юрий Борисович, схватив перепуганную женщину за руку и быстро открыв свою дверь, увлек ее к себе, провел на кухню и посадил за стол. – У вас в квартире дверь закрыта? – Женщину била дрожь. Она не сразу поняла, что вопрос был адресован ей. – Нет, просто захлопнута, я же не знала, – она задыхалась, по лицу текли крупные слезы. – Где ключи? Надо дверь закрыть. – Что? А... Ключи на крючке, в прихожей на вешалке.

Новиков вздохнул. Молча вышел на лестничную площадку. Перешагнул через причитающего и пытающегося подняться типа. Толстяк, всхлипывая, размазывал кровь по лицу: – Мы тебя, падла, землю заставим жрать и закопаем.

Также молча Новиков развернул толстяка за шиворот и запустил по лестнице вниз. Не обращая больше на них внимание, открыл шестую квартиру, в большой старомодной прихожей нашел связку ключей и вышел. Закрыв дверь, пнул мешающего пройти типа и вернулся к себе.

Женщина сидела за столом на кухне, там, где он ее оставил. Она плакала навзрыд. Тонкие плечи тряслись, худенькие руки комкали ставший мокрым платочек. Достав свой платок, Новиков вытер ей лицо, осторожно промокнул глаза, заставил в этот же платок высморкаться. – Спасибо! Я должна вам рассказать. – Женщина немного успокоилась, но продолжала немного задыхаться. – У нее что-то с легкими, – подумал Юрий Борисович. Спокойно сказал: – Можете не рассказывать, все и так ясно. – Не обращая внимания на его слова, женщина быстро заговорила: – Я из Санкт-Петербурга. Эта квартира от тети, жены академика Добронравова, старшего брата моего папы. Академик умер пять лет тому назад. Он был очень старенький. А тетя умерла полгода назад, и вот я вступила в наследство. Папа, мама и муж погибли на Севере чуть

меньше года назад, разрушение льдины. Они были гляциологи. Я тоже гляциолог. Мы работали вместе. Но я заболела и в эту экспедицию не поехала. Мне надо было серьезно лечиться. Я осталась совсем одна. И сейчас ничего не хочу, ни лечиться, ни жить. – Женщина всхлипнула и опять зарыдала. Новиков вздохнул, принес еще платок, налил в чашку воды, поставил перед женщиной. Платок сунул ей в руки. – Успокойтесь, – строгим голосом сказал он, – выпейте воды и скажите, как вас зовут. – Маша. Мария. – женщина всхлипнула. – Детей у нас с мужем не было. Квартиру в Санкт-Петербурге я продала. На лечение нужны большие деньги. Теперь эту квартиру продавать. Эти люди уже три дня меня преследуют. Звонят. Стучат. Кричат через дверь. Полиция не реагирует. – Она опять заплакала. Он смотрел на нее, видел худенькое тело в простом ситцевом платье, светлые волосы, собранные в пучок, покрасневшие карие глаза, трогательные ключицы, тонкие пальчики без маникюра. В сердце шевельнулась и стала разрастаться такая жалость, что сердце заныло. Заболела голова. – Контузия, что ли, опять дает о себе знать, – подумал он, – нет, не контузия... А ко мне только вчера подошли эти покупатели. Наверное, застать не могли. Днем я обычно дома не бываю. – Вслух же сказал: – Меня зовут Юрий Борисович. Вот что, Маша-Мария, сейчас пойдем в вашу квартиру, там возьмете туалетные принадлежности и что там надо вам еще. Постельное белье не берите. Есть. Будете пока жить у меня. Вторая комната в вашем распоряжении. Возражения не принимаются. Здесь вы будете в безопасности. Ясно? – Маша-Мария часто-часто закивала головой. И с испугом посмотрела на него, потом по-детски спросила: – Вы военный? Тетя говорила. Она знала ваших родителей. Они дружили. – Новиков вздохнул, встал и молча пошел к дверям. Маша заторопилась следом. Открыв дверь Маши ее ключом и пропустив ее в квартиру, Юрий Борисович остался на площадке. Здесь уже никого не было. На ступеньках виднелись подсыхающие капли крови. Валялись окурки. Кафель был заплыван. – Самому что ли убрать, – подумал он, – придется самому, уборщицу не дождешься. – Критически осмотрел свою дверь, солидную, металлическую, поставленную еще отцом, и остался довольным. А вот дверь в квартиру Маши он мысленно забраковал. Старая, деревянная, хоть и с претензией на "буржуазность". Вздохнул и решил, что принял правильное решение забрать Машу к себе.

3

На следующий день Новиков в парк не пошел. Он чувствовал, что его жизнь круто изменилась. Скучный завтрак: яичница, хлеб, молоко – прошел в молчании. Маша ела как птичка, и было видно, что она стесняется Юрия Борисовича. – Рассказывайте, Маша-Мария, – сказал он мягким, как мог, голосом. – Вы так и будете меня называть Маша-Мария? Это звучит как Мария-Магдалина, – она пыталась улыбнуться, и это ей удалось.

Какая хорошая улыбка! Трепетная, доверчивая. А глаза – огромные, лучистые. У Новикова опять, как вчера, защемило сердце. Он сидел и слушал, как она заболела туберкулезом. Но не знала о нем и не лечилась. Кашель, упадок сил, вечером температура. Иногда на платке после кашля стала показываться кровь. Болезнь прогрессировала, как показало обследование, с лечением надо было поспешить. Рекомендовали Москву. И вот она здесь. Прошла новое обследование. Сегодня нужно ехать в туберкулезную больницу, знакомиться с результатами обследования и анализов. Новикову пришла в голову аналогия с Патрицией из "Трех товарищей" Ремарка. Это произведение он очень любил, да и всё, что написал этот писатель, ему нравилось. Сравнение ошеломило его. Он даже вспотел. И пожалел, что читал эту пронзительную трагическую историю. Напрягся, сжал зубы, как перед прыжком с парашютом: – Ничего. Еще посмотрим кто кого. – Сейчас это был прежний Новиков. Сосредоточенный, сильный, уверенный в себе и опасный человек.

Помолчав, сказал Маше: – Поехали в больницу. На обратном пути зайдём в универсам "Магнит" и купим продукты. – Посмотрев в глазок входной двери, Юрий Борисович никого не увидел. Но отчетливое чувство опасности, которое никогда не подводило, появилось. Его настроенность передалась Марии. Она стояла за его спиной, нервно сжимая сумочку и

тихонько покашливала. Вышли на площадку. На двери лифта жвачкой было приклеено объявление: "Лифт не работает". Кнопка вызова лифта не работала. Спустились на один пролет. И тут началось. Снизу бежали два человека с бейсбольными битами. Сверху, наверное, с четвертого этажа, спешили еще двое. Видно прятались на верхних лестницах. Один из них, который сзади, был вчерашний толстяк. Первый, который снизу, нанес удар битой. Новиков потерял целую секунду, заталкивая правой рукой Машу себе за спину и вынужденно блокируя удар левой рукой. Сильная боль пронзила предплечье, но он в последнее мгновение смягчил удар, уйдя вправо и бросив левую руку вниз, прижав левый локоть к своему боку, тут же встречным движением вперед этой же руки повернул руку противника с битой, моментально завел свою руку так, что своя левая кисть оказалась подмышкой у врага. Резкое движение вверх, вопль, хруст, сопровождающий сложный перелом, и нападающий сам летит назад, чуть ли не сбивая с ног нижнего напарника. Холодная ярость захлестнула Новикова и острая боязнь за Машу, маленькую, беспомощную. Если бы не она, то все бы обошлось нападающим малой кровью. Но это был не тот случай. Как раньше бывало в бою, время замедлилось. Выпукло проявились детали, малейшее движение врага просчитывалось автоматически. Десятилетиями тренированное тело само знало, что делать. Первого сверху бандита, замахнувшегося чем-то в газете, – наверное, металлическая труба, – отстраненно подумал Новиков, – он встретил прямым ударом ноги в низ живота. Удар, помноженный на встречное движение, был страшен. – Не жалец, – промелькнуло в голове Новикова – года два с разорванными внутренностями и в ящик. – Выскочивший из газеты обренок водопроводной трубы, покатился по площадке и сорвался вниз между пролетами.

Второго снизу Новиков ударил ногой в лицо, выбросив с поворотом свое тело вперед, держась руками за перила. Тот, не ожидавший такого удара, полетел назад и грохнулся спиной и головой о бетонные ступеньки. – Возможен перелом позвоночника, – мелькнула мысль, – лицевые кости тоже могли не выдержать такого удара. – Повернулся к толстяку, замершему на верхнем пролете с побелевшим лицом и круглыми от ужаса глазами. – Шею тебе сломать, что ли? – тихим зловещим голосом сказал Новиков и шагнул к толстяку. Тот вдруг заплакал, затряс головой: – Дяденька, не надо! – и завыл. По его мятым штанам распространилось мокрое пятно. И пошла волна вони. – Обделался, – понял Новиков. Ему стало неудобно перед Машей. Она же увидит и поймет. Какая мерзость! – Вокруг была страшная картина. Двое выли в голос, ворочаясь на бетоне. Третий, получивший удар в лицо и грохнувшийся спиной и затылком на ступеньки, лежал без сознания на площадке второго этажа. Никто из соседей так и не вышел. Левая рука ныла, но перелома нет, слегка пощупав руку, понял Юрий Борисович. – Ты, ткнул Новиков пальцем в толстяка, – быстро убережешь сейчас своих друзей, главному скажешь, если подойдете к этой женщине, будете ей звонить или иначе беспокоить, я найду всех, главного в первую очередь, и убью. – Он повернулся к Марии. Смертельно бледное лицо, остановившиеся глаза. Она была на грани обморока. – Все, Машенька, все закончилось. Пошли быстрее. – Потянул ее за руку вниз мимо неподвижного бандита на выход на свежий воздух.

4

В Москву ехали на электричке. Так быстрее. В вагоне поезда Марию била дрожь, в такси по пути в Сокольники в больницу – тоже. Она прижималась к Юрию Борисовичу всем телом, и он чувствовал, как она беззащитна и слаба, старался успокоить ее и согреть.

В больнице, поговорив в регистратуре, они прошли в нужный кабинет, где Маша уже была, зашли к врачу. Седой усталый фтизиатр, узнавший Машу, долго перебирал рентгеновские снимки, поочередно крепя их прищепками на специальном, прикрепленном к стене стекле, подсвеченном с обратной стороны. Потом, усевшись за поцарапанный стол, долго читал какие-то листочки, очевидно, результаты анализов, поцокал языком и произнес:

– Ну что же вы так, голубушка, себя не берегли.

В его словах не было вопроса. Ему было все ясно.

– А вы, молодой человек, кем приходитесь Марии Добронравовой?

– Я? – Смешался Юрий Борисович. Неуместно *подумал*, что Маша в замужестве не поменяла фамилию.

– Как это кто? – Запнулся и осипшим чужим голосом сказал: – Муж. – Он даже приосанился и спросил: – Что там у Маши?

– У вашей Маши, кажется, открытая форма легочного туберкулеза. Опасная стадия. И вас надо бы проверить. Все же близкий контакт.

Новиков испытал почти такой же удар, как тогда на плоту, на Амазонке. Маша смотрела на него огромными испуганными глазами, которые быстро наполнялись слезами. Она словно извинялась перед ним, что так вот получилось. У него в голове стучали молоточки и билась мысль: – Не может быть, не может того быть, это какая-то ошибка! По дороге он думал и надеялся, что обойдется. Она молодая, при хорошем лечении и уходе это не страшно. Он ей поможет.

Как издали послышался голос врача: – Вы, муж, пока подождите за дверью. А вы, голубушка, раздевайтесь. Буду вас еще слушать.

На ватных ногах Юрий Борисович вышел в коридор. Глубоко вздохнул, напрягся, выдохнул, опять глубоко вдохнул неприятный воздух и медленно выдохнул. Почувствовав себя лучше, он оглянулся вокруг, окинул взглядом непритязательную обстановку. Вышел к лестнице и поднялся на второй этаж. Его, открывшего дверь в лечебное отделение, остановила суровая пожилая сестра в белом застиранном халате.

– Вы куда?! Вход строго воспрещен! Ишь ты, еще и без халата!

Юрий Борисович успел заметить переполненный больными коридор, в основном пожилыми, неухоженными, в коричневых халатах не по размеру, серые стены, немытые окна, затертый пол. Какая-то безысходность сконцентрировалась в этом помещении. И запах, еще более сильный, чем внизу.

– Нет, здесь Машу он оставить не может. – Подумал он.

Спустившись на первый этаж, Новиков еще какое-то время ждал Машу. Вот, наконец, она показалась в дверях вместе с врачом. Он, придерживая ее за локоть, продолжал начатый в кабинете разговор:

– Ложиться и немедленно! Возможно, понадобится операция. Посмотрим.

Маша стояла у дверей с застывшим лицом и, казалось, не понимала, что ей говорят.

Юрий Борисович подошел к ним и сказал:

– Маша, дай мне твой мобильный телефон.

Видя, что она не реагирует ни на слова фтизиатра, ни на его просьбу, сам взял из рук Маши сумочку, раскрыл и достал маленький изящный мобильник белого цвета. Отошел подальше к окну, посмотрел в окно и, шевеля губами, вспомнил один из немногих телефонных номеров, оставшихся от прежней жизни.

– Длинные гудки. Он – пенсионер, должен быть дома. Может, гуляет? Лишь бы был жив! Больше никто мне не поможет. Ну, где ты, дядя Роберт, генерал Генерального штаба, бывший сослуживец отца и давний друг их семьи.

Эти мысли проносились в голове, металась и болью отзывались в сердце.

Наконец трубка ожила и знакомый, но заметно постаревший голос ответил: – Да, слушаю.

– Роберт Иванович, это Юра Новиков, – Юрий Борисович волновался так, как не волновался все последние годы, – вы же помните меня?

– Ах, Юрчик, ах, пострел! Ты что же думаешь, у меня маразм или старость совсем память отшибла? Где ты, как ты? Забыл ведь старика. Заехал бы... Ты знаешь, я Анну Матвеевну похоронил. Сейчас один, как бобыль. Вот жду дочь с внучкой и правнуками. Должна с мужем, полковником – летчиком, в отпуск с Востока приехать.

Новиков слушал быструю речь старого генерала, понимал эту словоохотливость и был благодарен, что он назвал его по давней привычке "Юрчик". Так его больше никто и никогда не называл. В груди появилось чувство вины. Надо было заехать, увидеться, поддержать старика. И решил, что будет каждый день ездить к дяде Роберту, прекрасному шахматисту, играть в шахматы.

Но сейчас дело: – Дядя Роберт, у меня беда. У жены туберкулез, опасная стадия. Нужно срочно, буквально сегодня, положить в военный туберкулезный госпиталь, – и добавил внезапно севшим голосом, – помогите.

Юрий Борисович уже не помнил, когда обращался к кому-нибудь с просьбами. Это было не в его характере, не в его принципах. Но сейчас он был готов кого угодно просить, у кого угодно требовать и кому угодно грозить, но добиться помощи.

Помолчав, Роберт Иванович сказал генеральским голосом: – Перезвони мне, Юрчик, ровно через восемь минут. – И положил трубку.

Кто-то тронул Новикова за плечо. Подошедший фтизиатр извинительным тоном сказал: – Она, – показав на Машу, – все знает. До свидания, извините. – Повернулся и ушел. Пожилой и усталый человек, спасающий людей от смерти.

Юрий Борисович подошел к Маше, обнял ее, отвел ее к окну. Она была послушной и заторможенной, словно в ступоре, ничего не видя и ничего не понимая. Продолжая бережно держать одной рукой Машу за плечи, посмотрев на часы "Командирские", Новиков опять позвонил.

– Так, Юрчик, прямо сейчас с женой и всеми медицинскими документами едешь в Пушкино, это недалеко от Москвы, там, на улице Лесной, – Центральный военный туберкулезный госпиталь. Найдешь. Начальник госпиталя полковник медслужбы Петросян Вазген Галустович, доктор наук и прочая. Прямо к нему. Он ждет. Потом мне позвонишь. Вперед. – И старый военачальник, не прощаясь, положил трубку. Не хотел, наверное, слышать слова благодарности.

Стремительно вернувшись в кабинет фтизиатра, Новиков безапелляционно забрал у потерявшегося врача все рентгеновские снимки и листки с результатами анализов и бегом бросился из кабинета. Он боялся оставить Машу одной даже на секунду. На пороге поприветствовал себя, остановился, повернулся и сказал:

– Доктор, спасибо вам!

5

В Пушкино они тоже ехали на электричке. По дороге Юрий Борисович не выпускал Машу из рук, целовал ей ладошки, шептал на ушко нежные успокаивающие слова, рассказывал про Мамонтенка, который благодаря гляциологу Маше-Марии появился из растаявшей льдины и стал искать маму, про то как мерили удава попугаями, напевал песенку "я на солнышке лежу и на львенка не гляжу..."

Маша то смеялась, то плакала, глядя с восхищением на Новикова, и спрашивала: – А удав не мог съесть попугая? А почему гляциолог Маша-Мария отпустила Мамонтенка, а не усыновила его?

Юрий Борисович с серьезным видом убедительно заявлял: – Попугай был самый главный начальник в их компашке, и есть командира устав запрещает. А Мамонтенка Маша-Мария усыновит обязательно.

Так незаметно они доехали до Пушкино.

В кабинете начальника госпиталя сидели: сам начальник, сорокапятiletний полковник медслужбы в форме, двое пожилых мужчин в белых халатах – главный фтизиатр и один из начальников отделений, и Новиков. Маша осталась в Приемном отделении.

Начальник госпиталя, черноволосый и черноглазый, говорил абсолютно без акцента. Только в тембре его голоса красиво звучали мягкие низкие тона, присущие голосам многих

армянских мужчин. Сейчас он молчал, смотрел в окно и барабанил пальцами по столу. Рентгеновские снимки, лежащие на столе, были просмотрены, листки с анализами – прочитаны.

– Говорите, что в паспорте жены отметки о вашем браке нет и справки из военкомата, о том, что она ваша жена, тоже нет? Да... Хорошо хоть, что полис медицинского страхования есть.

И продолжил: – Ладно, решим. Подумаем, как правильно все оформить. И сами проведем углубленное обследование. Николай Петрович, – обращаясь к начальнику отделения, – примите к себе. Михаил Аронович, – уже к главному фтизиатру, – уделите внимание, пожалуйста.

В Приемном отделении перед расставанием Юрий Борисович опять прижимал Машу к себе, целовал прозрачные руки и говорил: – Часа через четыре я вернусь. Привезу туалетные принадлежности и все остальное. Если будет поздно, то я найду, как передать. Не грусти. У нас еще много дел. Нам еще Мамонтенка усыновлять. И она опять смеялась и плакала.

Из госпиталя, где он за этот день побывал уже дважды, Новиков возвращался в темноте. Вспоминая порядок, безупречную чистоту, четких и судя по всему, высоко профессиональных врачей, он думал:

– Армия – все же сила, несмотря на недавние тяжелые времена. И как удалось военной медицине сохраниться? Наверняка оборудование не давали, денег не выделяли, штаты резали. И лучшие специалисты, наверное, бежали во все стороны.

Когда он был уже недалеко от дома, знакомое чувство опасности застучало молоточками в голове. Не останавливаясь, он свернул к автобусной остановке и вскочил в отходящий автобус.

– Началось, – думал Юрий Борисович, – вернее продолжается. Ну что ж, где-то посидеть, потом в "час собачьей вахты", когда все часовые засыпают, тихо-тихо в квартиру, взять документы, еще кое-что, хорошенько провериться, чтобы хвоста не прицепить, и рано утром на второй электричке в Пушкино. Там снять комнатку в частном секторе и быть рядом с Машенькой, каждый день навещать, видеть ее и слышать ее голос, если это будет возможно.

План готов. На душе у Новикова потеплело. Он оглянулся вокруг. Увидел сидящую у окна пожилую уставшую интеллигентную женщину.

– Наверное, учительница, – подумал Новиков, вспомнив маму, – что-то в учителях есть такое, что позволяет их определять.

Ему захотелось подойти к учительнице и сделать, или хотя бы сказать, что-нибудь хорошее.

Юрий Борисович себя не узнавал. Что-то в нем переменялось. Он стал другим.

6

Четыре часа утра. Новиков с крыши соседнего дома уже полтора часа в лунном свете наблюдает за окрестностями своего дома. Главное внимание, конечно, двору и входу в подъезд. Для наблюдения освещение достаточное.

– Есть!

В темной машине, стоящей наискось от входа в подъезд, мелькнул красный огонек сигареты. Видимо, бандит курил, пригнувшись и с опущенной головой, но расслабился и приподнял голову.

– Говорила же мама наверняка, что курить вредно, – усмехнулся Новиков, – никакой дисциплины в засаде.

– Итак. Их в машине двое или трое. Наверняка с огнестрельным оружием. Задача: завалить меня и ходу. Все ясно как божий день. Для другого дела я им просто не нужен. Со мной им все понятно. Что делать? Убрать их? Нет. Пока не буду. Да и нечем.

Он вспомнил о вчерашней утренней схватке на лестнице, поморщился, левая рука заныла.

– Сильный ушиб, однако. На синяк смотреть страшно. Недели три будет беспокоить.

Новиков думал, как рациональнее поступить.

– Сделаю так. Зайду с обратной стороны. Внимательно осмотрюсь. Вряд ли у них там вторая засада. Подъездов же с той стороны нет. По водосточной трубе на третий этаж. Только бы выдержала. Вдруг ржавая, дом-то старый. Балкон. Балконная дверь закрыта изнутри. Придется перелезть к окну. Там открыта форточка, одна створка окна закрыта только на верхний шпингалет. Лишь бы никто из полуночников не увидел. Позвонит в полицию, приедут. Или убежать, или сдаваться. Полиции доверять нельзя: странную индифферентность проявила она в ответ на заявление Машеньки. Решено. Поэтому действуем спокойно, не торопясь, никого не трогая.

Все получилось так, как и планировал Юрий Борисович.

7

Сейчас он сидел в чистенькой, маленькой комнатке с отдельным входом и минимумом обстановки: стол, два стула, кровать. Над кроватью висел тонкий выцветший коврик с оленями.

– Этот живописный артефакт точно из середины прошлого века, – подумал Новиков.

На стене, где стоял столик, висела полка. На ней стояло десятка два желтых больших толстых томов. "Детская энциклопедия".

– Вот тебе и раз! – Новиков восхитился, взяв один из томов: – Первое издание, издательство "Педагогика", года издания – 1958-1962. Раритет!

Еще лежали подшивки журналов "Техника молодежи" и "Юный техник" из того же времени, что и энциклопедия.

– Это кто у нас юный техник? Бабуля, которая мне комнатку сдала, и целый час при этом паспорт вертела и фамилию в ученическую тетрадь переписывала?

Частный домик бабули находился недалеко от госпиталя на окраине Пушкино. Все складывалось удачно.

Юрий Борисович сидел и перебирал в памяти все, что случилось за последние дни. Вспомнил теплое участие, возникшее у него к пожилой уставшей женщине в вечернем автобусе, а главное, появившееся пронзительное желание защитить Машеньку от этого грязного мира, закрыть ее своим телом, такую маленькую и незащищенную. Да, он действительно со вчерашнего дня сильно изменился. Исчезли апатия и безразличие к окружающему, появились желание шутить и интерес к людям.

Каждый час в голову приходила мысль:

– Продадим к черту эти наши две квартиры, за которыми так охотятся бандиты, уедем с Машенькой в Крым, где климат для нее самый подходящий, благо полуостров стал российским. Там, где-нибудь в Ялте или еще где-то, по Машенькиному выбору, купим домик или хорошую квартиру, как Машенька пожелает. У них будет сын. Нет, лучше дочь! Ведь дочь любит своего отца вечно, каким бы он ни был. Это он прочитал у Хемингуэя, кажется. И был полностью согласен. Ладно, дав себя уговорить, пошел на компромисс Юрий Борисович, будут и девочка, и мальчик. Наследник, о котором мечтал его отец. Работать пойду тренером по стрельбе, а может быть, в какую-нибудь солидную фирму или охранное агентство. Все же я неплохой специалист по безопасности, средствам технического противодействия и охранным системам. Правильной охране ВИП-персон могу учить.

Тут Новиков себя укорил:

– Ты же наоборот, убирал этих персон!

Подумал-подумал и решил, что это одна и та же наука: правильно охранять ВИП-персон и правильно их убирать.

И потекли опять приятные мысли:

– Машеньке работать ни-ни. Ни в коем случае! Буду ее лелеять и холить. Будет она у меня радостная и счастливая!

Скорее б уж урочный час, когда Машеньку идти проведывать. Надо еще раз подумать, что Машеньке купить.

Вот и свидание! Маша была весела и словоохотлива. Щebetала, как птичка, рассказывая, что довольна двухместной палатой, куда ее поместили, похожей на номер в гостинице. Тут же и санузел, и душ. Чисто, светло. Соседка молодая приятная. Жена подполковника. Сегодня начались обследования.

Юрий Борисович заставил Машу при нем съесть большое яблоко и с полкилограмма черешни. Все это он заранее тщательно промыл, подготовил.

Узнав, что при туберкулезе надо есть сотовый мед и прополис, Новиков раздобыл их на московском рынке. Сейчас есть при нем соты с медом и прополис Маша решительно отказалась, но дала слово, что потом обязательно съест.

– Еще кумыс надо раздобыть. Лучше калмыцкий. – думал Юрий Борисович.

8

В таких заботах и ежедневных посещениях госпиталя прошло чуть больше месяца. Военная пенсия, пусть и небольшая, исправно поступала на банковскую карту. Перед походом в госпиталь он покупал Маше маленькие подарки и всегда цветы, чтобы постоянно стояли в палате и напоминали о нем. Однажды, купив в детском магазине маленького мохнатого Мамонтенка, он был счастлив.

Часто Новикова не пускали, все же режимный госпиталь, но Юрий Борисович быстро перезнакомился с охранниками, которым приносил сигареты и журналы, с сестричками, которых угощал конфетами. Так что находил всякие лазейки. Он раздобыл себе белый врачебный халат, кроме халата, проникнув в здание госпиталя, надевал на ноги синие пленочные бахилы. Про себя Юрий Борисович называл халат и бахилы маскировочными средствами, а угощение охраны, сестричек и других столь же важных особ – мерами оперативной маскировки и прикрытия. Даже с начальником отделения Николаем Петровичем, интеллигентнейшим человеком, умным и образованным, сумел подружиться. Новикова Николай Петрович не выгонял из отделения, когда тот, как разведчик в тылу врага, попадался контрразведке в лице строгой, холодной и значительной, как снежная королева, старшей медсестре. Он выговаривал Юрию Борисовичу в ее присутствии, вел в свой кабинет и вызывал туда Машу. Давал минут пятнадцать пообщаться наедине и выпроваживал: ее – в палату, а Новикова – с глаз долой. Когда же у Николая Петровича было время, они с Юрием Борисовичем разговаривали о литературе. О Сервантесе, Булгакове, Кафке, Хемингуэе, Френсисе Скотте Фицджеральде, которых оба любили. Конечно, о других писателях и их произведениях тоже.

У Новикова сложились плохие отношения с главным фтизиатром, то есть их, этих отношений, совсем не было. Железный Михаил Аронович, увидев, просто изгонял Юрия Борисовича прочь, как кота, забравшегося на кухню в отсутствие хозяйки.

Те недолгие минуты, которые проводил Новиков с Машенькой, были для него огромной радостью, да и для Марии тоже. Она приходила на свидания всегда с Мамонтенком, прижимая его к груди. Видно было, что она с ним не расстанется. Они держались за руки и взахлеб говорили, рассказывая друг другу о всяких мелочах. Юрий Борисович чувствовал, как Машенька возвращается к жизни, видел, как хорошеет ее личико, как блестят ее огромные лучистые глаза, когда она смотрит на него, смотрит всегда с восхищением. Она была его Ангел, его Богиня! И он менялся вместе с ней. Становился молодым, сильным, красивым. Он сможет сделать все ради счастья своей Богини!

Но наступили перемены.

9

Однажды Новиков хитроумно проник на запретную территорию, на этот раз через хозяйственный вход, пользуясь хорошим отношением хозяйственников, заносивших тюки с бельем.

И тут на первом этаже его накрыл Михаил Аронович. Вместо того чтобы с позором изгнать преступника прочь, Михаил Аронович, седой и строгий, подозвал Юрия Борисовича и сказал:

– Вот что, юноша, – Новиков переступил с ноги на ногу и глупо заулыбался, как хорошо было бы, если бы эти слова услышала Машенька, – причин для радости нет, юноша. – Продолжал Михаил Аронович. – Принято решение – Марии делать операцию.

Сердце Юрия Борисовича ухнуло вниз.

– Как операцию?! Я вижу ее почти каждый день. Ей все лучше и лучше. Я знаю. Может быть, вы ошибаетесь?

Михаил Аронович смотрел на него серьезным взглядом мудрого человека и, чувствовалось, что говорить ему не хочется.

– Да, некоторое улучшение наблюдалось. Такое случается часто. Но стадия открытая, жизненных сил у нее недостаточно, а именно их наличие часто бывает определяющим. Мощные антибиотики, да и весь комплекс лечебных средств нужного успеха не имеют.

Он помолчал и продолжил:

– Операция будет через три дня. Ее будет делать главный хирург госпиталя. Он прекрасный хирург. Марию уже начали готовить. Так что приходите через неделю прямо ко мне. А сейчас – на выход.

10

Операция прошла в штатном режиме, как выразился главный хирург, когда они втроем сидели в кабинете Михаила Ароновича.

– И что теперь делать? – Спросил Юрий Борисович.

– Теперь будем ждать, – сказал главный хирург, крупный, заросший по самые брови черной с сединой бородой. Он был одет в зеленый халат и крутил в толстых пальцах такого же цвета шапочку.

– Вот что, юноша. Этап операции прошел успешно. “Мы уточним схему лечения, кое-что добавим, кое-что уберем”, – сказав это главный фтизиатр, замолк, будто бы вспоминал важное, поморщился и добавил, – Андрей Александрович прав, будем ждать и надеяться.

Потянулись дни волнений. Теперь Новиков, проникнув в госпиталь, не избегал Михаила Ароновича, а наоборот, подбегал и спрашивал:

– Ну как Маша?

Михаил Аронович терпеливо отвечал примерно одно и то же. Мол, все идет по плану. Изменений мало. И уходил. Теперь он перестал выгонять Юрия Борисовича из госпиталя. Это насторожило Новикова.

И, конечно, Новиков каждый день допрашивал с пристрастием начальника отделения Николая Петровича. Тот не менее терпеливо, чем главный фтизиатр, отвечал практически то же самое.

С Машей Юрий Борисович встречался реже. Она много времени была занята лечением, а иногда плохо себя чувствовала.

Когда встречались, то садились на подоконник в дальнем конце коридора, Маша брала руку Новикова и прижимала к груди или прижималась к руке щекой. Просила рассказывать. И он рассказывал про мечту о Крыме, про синее теплое море, про дальние дали, белых чаек и одиноком паруснике. Он описывал ей в мельчайших деталях маленький домик, в котором они будут жить на берегу моря, говорил, что у них будут дети. И обязательно дочь, которая будет похожа на Машу. У них будут сад, виноградник и обязательно лодка, на которой они вместе будут выходить в море.

Она зачарованно слушала, и глаза ее опять лучились, а щеки розовели. Было видно, что она зажглась их мечтой еще больше, чем Юрий Борисович, и думает об это постоянно. Вернее, живет только этой мечтой и встречами с Новиковым. Шли месяцы.

11

Так прошло еще время. Сколько, Юрий Борисович не заметил.

Однажды в госпиталь его категорически не пустили. Не пустила та смена на проходной, с которой он давно сдружился. Долго ходил Новиков вокруг большой территории. Уже собрался лезть через забор, но встретил у тыльных ворот знакомого хозяйственника. И тот ему сказал:

– Слушай, не ходи сегодня. Мария твоя... занята.

С очень беспокойным сердцем Юрий Борисович побрел в маленькую комнатку, которую уже называл домом.

Всю ночь он не спал. Среди ночи вдруг что-то ударило в сердце. К утру беспокойство увеличилось и перешло в панику. В восемь часов утра он собрался все же идти в госпиталь. И тут зазвонил колокольчиком маленький белый сотовый телефон, который он забрал у Маши. Могли звонить только из госпиталя.

Голос Николая Петровича тихий, какой-то совсем чужой, глухо звучащий, сказал:

– Юрий Борисович, приезжайте.

В голове взорвалась граната. Как тогда. Не переодеваясь и не закрыв дверь, Новиков бросился в госпиталь.

Маша умерла ночью. Врачи ничего не смогли сделать. Она просто утонула.

Михаил Аронович что-то говорил о том, что все было плохо с самого начала. Открытая запущенная стадия, слабый иммунитет, и только поддержка Новикова, и ее вера в него позволили ей пожить еще немного.

Сейчас она лежала в специальной комнате на столе, установленном посередине. Юрий Борисович стоял рядом, держа в своей руке холодную неживую руку Машеньки. У него было одно желание: посмотреть Машеньке в лучистые глаза. Но это было невозможно. Ее глаза были закрыты навсегда.

Новиков стоял рядом с Машей, сжимая ее руку и глядя в любимое спокойное лицо, вдруг понял, что он тоже умер.

Та граната все же достала его. Она убила Машу и сожгла ему душу и сердце.

В комнату к Маше зашел Вазген Галустович. Перекрестился, что-то прошептав, перекрестил Машу, взял сильной рукой Новикова за плечо и увлек за собой. В своем кабинете усадил за приставной стол, взял из серванта бутылку коньяка и пузатый бокал, налил и поставил перед Юрием Борисовичем. Долго молчал, глядя на поникшего и раскачивающегося на стуле Новикова, и сказал:

– Мы поможем похоронить Машу.

Юрий Борисович молча встал, не глядя ни на бокал, ни на Петросяна, и вышел из кабинета.

12

Машу Новиков похоронил на Щербинском кладбище, в дальнем конце, где за оградой на холме шумели березки.

Когда рабочие ушли, он долго сидел у могилы. Весь день, всю наступившую ночь и только поздним утром следующего дня уехал в Москву.

На могиле рядом с цветами сиротливо стоял маленький лохматый Мамонтенок.

В Москве, добравшись до своего дома, пересек двор, не глядя по сторонам, зашел в подъезд, поднялся в квартиру. Забрав из альбомов фотографии матери и отца и, аккуратно разложив их по карманам, спустился вниз. В вестибюле столкнулся с двумя крепышами лет по тридцать. За ними маячил знакомый толстяк. Бандиты, увидев Новикова, растерялись. Идущий первым крепыш, придя в себя, выхватил нож. В ту же секунду Юрий Борисович нанес ему в горло страшный удар пальцами раскрытой ладони. Противно хрустнуло. Подхватив выпавший у бандита нож, Новиков метнул его во второго крепыша. Нож вошел ему тоже в горло по самую рукоять. Толстяка уже нигде не было.

Выйдя из подъезда, Юрий Борисович обогнул дом, вышел на улицу, остановил жестом удачно подвернувшееся такси. Молча сел на заднее сидение, бросил водителю:

– Вперед.

Машина тронулась. Водитель, в зеркало разглядывая странного пассажира, боялся спросить, куда вести.

Москва осталась далеко. Новиков шел по полевой дороге, ссутулившись и опустив голову. Бесконечно билась одна мысль:

– Маши нет. Дочери, маленького домика и синего моря никогда не будет. И его самого тоже уже нет. Этот проклятый мир!

Плакать Новиков не умел, но по лицу сами текли слезы.

К вечеру он подошел к Монастырю. Когда-то он бывал в этих местах и видел этот Монастырь. Постучал в высокие толстые ворота темного дерева. Стал ждать. Заметив сбоку колокольчик из позеленевшей меди, стал звонить. Наконец открылась калитка справа от ворот. Вышел высокий прямой монах в черном длинном одеянии. Большая черная с проседью борода, на голове кlobук, на груди серебряный крест на серебряной цепочке.

– Чего тебе, сын мой?

Большие черные глаза монаха, казалось, проникали в самую душу. Новиков ничего не мог сказать. Только стон вырывался из горла. Он поднял залитое слезами лицо и стал глядеть в осеннее небо. Монах долго смотрел на него, потом посторонился и сказал:

– Проходи, сын мой.

Глава 8

Предыстория. Продолжение

Время – предновейшее, Час "X" минус полгода

Место-город Лобня. Московская область

1

Илья Иванович ухаживал за отцом, сидевшим в инвалидной коляске. Кормил его с ложечки, по привычке приговаривая:

– Отлично, товарищ капитан второго ранга, эту боевую задачу вы выполняете успешно. Сейчас закончим с первым и бросимся на абордаж второго блюда. Покончим со вторым, примемся за бочку с ромом.

Отец хмыкал, придерживая левой, немного действующей рукой поднос, поставленный на накрытые пледом колени. Мать гремела посудой на кухне.

Илья Иванович крикнул:

– Мам, второе готово?

– Да, уже положила.

Илья Иванович не переставал удивляться сильному, молодо звучащему голосу матери.

– Эх, мама. Красивая ты у меня и сильная. Вот только ноги у тебя плохо ходят. Проклятые сосуды..." – подумал Илья Иванович и опять крикнул:

– Я сам возьму. Не неси. Поднос принесу с пустой посудой, заберу второе и чай.

Отец любил, когда его кормил сын. И терпеть не мог, когда это делала жена. Он был в здравом уме, все помнил и подмечал. Характер у него только испортился. Ходить не мог, правая рука не действовала. Он один из немногих выживших был спасен после взрыва торпеды прямо в торпедном аппарате подводной лодки, на которой служил старшим помощником.

На кухне мать, статная женщина со следами бывшей красоты на ухоженном лице, спросила:

– На работу, как я поняла, ты сегодня не пойдешь?

Илья Иванович работал специалистом по техническим устройствам в Охранном агентстве и там же подрабатывал инструктором по рукопашному бою.

– Пойду, но позднее. Сейчас докормлю отца и бегом на собрание дольщиков.

Мать промолчала. Она души не чаяла в своем сыне. Высокий, широкоплечий, с тонкой талией. Мужественное, по-мужски красивое лицо. Незлобивый характер. Она знала, что ее сын нравится женщинам. А вот он к ним относился несерьезно. Сейчас связался с этой Светланой. Не пара она ему, хоть и интеллигентная женщина, библиотекарь. А ведь ему уже за сорок. Вон седина уже появилась в густых волнистых каштановых волосах. Когда она пыталась говорить на тему женитьбы, он смеялся и говорил:

– Мам! Женюсь, если только встречу такую, как ты, умную и красивую.

Дочь адмирала, она мечтала, чтобы ее любимый сын стал архитектором. И эта история с новой квартирой. Она с самого начала была против этой затеи. Удивлялась самоуверенности и опрометчивости сына, уговорившего их взять в банке деньги под залог их малогабаритной двухкомнатной квартирki и вложить их в новострой. Срок сдачи нового дома был давно сорван, надежда получить желаемую просторную новую квартиру гасла с каждым днем. Эту квартиру они должны были освободить не позднее, чем через три месяца, к первому марта следующего года.

Это было не собрание дольщиков. Илья Иванович покривил душой. С группой активистов он ехал в известный всему городу Холдинг, в который по некоторым неофициальным данным входила их пресловутая строительная компания.

Группу дольщиков человек в пятнадцать, вошедшую в шикарный вестибюль громадного здания из стекла и бетона, возвышающегося почти в центре города, остановила охрана перед турникетами.

На вопрос охраны, что вы здесь забыли и кто вы, предводитель группы пожилой опытный человек, сам строитель, приехавший с Севера, твердо заявил:

– Мы хотим видеть вашего руководителя, Сучева Альберта Семеновича. Только не говорите, что его нет на месте. Мы знаем, что он есть. А мы – дольщики дома, строящегося по улице Вересаевской.

Охрана пришла в замешательство от такого уверенного напора, и принялась куда-то звонить. Затем старший охраны сказал:

– Сейчас подойдет заместитель Альберта Семеновича и вы с ним поговорите.

Ждать пришлось долго. Наконец откуда-то сверху спустился на лифте сравнительно молодой красномордый полный мужчина, похожий на того Гайдара, который пытался вылечить страну шоковой терапией. За ним гуськом подтянулись четверо человек характерной бойцовской внешности.

– Я – Ракицкий Евгений Моисеевич. Что вам угодно, господа?

Сильным голосом спросил Евгений Моисеевич. В отличие от Гайдара, это был крепкий орешек.

Выслушав спокойно Петра Николаевича, предводителя дольщиков, он сказал:

– К строительной фирме "Жилкомстрой" ни наш холдинг, в целом, ни Альберт Семенович, в частности, никакого отношения не имеют. Вы обратились не по адресу. И еще, господа, если кто хочет говорить со мной, то прошу представляться. Я же представился. И вы – не пещерные люди.

– Я – Бражников Петр Николаевич. А вот копия официального документа, свидетельствующего, что след от фирмы "Жилкомстрой" ведет сюда. Оригинал документа у нас.

Протянутый документ перехватил один из охранников и отдал Евгению Моисеевичу. Тот не глядя и не поворачиваясь, передал его стоящему чуть сзади крепкому мужчине, коротко подстриженному, лет пятидесяти, в сером костюме, глядевшему исподлобья на все происходящее.

– Я повторять не буду! Сказано все предельно понятно. Не так ли?

Это "не так ли" разозлило Илью Ивановича. Он протолкнулся вперед и сказал:

– Сейчас не девяностые годы и не двухтысячные. Это у вас не пройдет!

– Вы кто? – прервал его Евгений Моисеевич.

– Я – Муромский Илья Иванович, тоже дольщик. И заявляю, что мы пришли не просить, а предупредить, что с этим и другими документами мы идем в прокуратуру. Юридические консультации проведены. Вы – не в выигрышном положении.

Смятение пробежало по лицу Евгения Моисеевича. Не говоря ни слова, он повернулся и быстрым шагом направился к лифтам. Остальные потянулись за ним.

Выйдя на улицу на пронизывающий, почти зимний ветер, Илья Иванович попридержал Бражникова и тихо сказал ему:

– Не нравится мне, Петр Николаевич, что мы представились и нас незаметно фотографировали эти типы, пришедшие с Евгением Моисеевичем.

– Наше дело, Илья, правое! Мы должны победить. Нам бояться нечего.

– Ну-ну, – протянул в ответ Илья Иванович, чувствуя, как его спецназовское чутье бьет тревогу.

2

Через два дня в послеобеденное время, когда Илья Иванович был на работе, ему позвонил Вячеслав, тоже дольщик. Он, как имеющий юридическое образование, готовил документы в прокуратуру, суд и другие инстанции.

Срывающимся голосом Вячеслав рассказал Илье Ивановичу, что сегодня утром в парковом пруду нашли мертвого Петра Николаевича. Воды в пруду было меньше, чем по колено. Готовясь к зиме, городская служба частично пруд осушила, оставив немного воды под каток. Труп прохожие увидели сразу. Он лежал в воде лицом вниз, спина была видна.

Помолчав в трубку, не дождавшись реакции Муромского, Вячеслав добавил убитым голосом:

– Я больше нашим новостроем не занимаюсь. Гори он огнем.

Илья Иванович позвонил участковому района, который посещал занятия по рукопашному бою, проводимые Муромским. Директор Охранного агентства, заинтересованный в получении заказов от жителей на установку охранной сигнализации с подачи участкового, естественно, разрешил. Капитан полиции Вадим Васильев, преданный поклонник Муромского, вначале извинялся, мол, не телефонный разговор, потом все же сказал:

– Следов насильственной смерти нет. Криминалисты говорят, что похоже на несчастный случай. Сейчас проводят медэкспертизу. Может у него был сердечный приступ. Но вот что не ясно. Куда делась собачка, которую он вчера вечером выгуливал?

Поблагодарив Вадима, Илья Иванович в задумчивости положил трубку. Долго глядел в окно на голые качающиеся под стылмым ветром деревья, испуганные, казалось, как и вся природа, надвигающейся зимой. Думал: "Нет, это не несчастный случай. Из этого следуют, как минимум, два вывода. Первый: новой квартиры ему не видать. Эти негодяи убивают не для того, чтобы потом предоставлять квартиры дольщикам. И второй: ему и его семье грозит опасность. Что делать?"

Так он сидел долго, постукивая тупым концом карандаша по развернутой на столе схеме новой сторожевой системы для коттеджей и дач. Ничего не придумав, собрался и пошел вниз в спортзал на тренировку.

Домой Илья Иванович поехал пораньше. После телефонного разговора с Вадимом он не виделся. Тот не пришел на тренировку. Новой информации не было. Да и нужна ли она? Все ясно. Сделают вывод: несчастный случай. И спокойно закроют дело, никому ведь сложности не нужны.

В голове с той самой минуты, когда о случившемся ему сообщил Вячеслав, стучал молоточек страха за родителей. Везти их было некуда. Ни родственников, ни достаточно близких людей с соответствующей жилплощадью у него не было. Светка, скромный библиотекарь, с которой он встречался, жила в маленькой комнатке старой коммунальной квартиры. С другой стороны, этим волкам что стоит вычислить его родственников и знакомых, если обнаружат, что его родители внезапно исчезли?

К своему дому он подъезжать не стал, оставив старенькую "Ауди", в соседнем дворе, где до этого никогда не ставил. Уже стемнело. К дому подошел не как обычно, а с другой стороны. Когда он шел вдоль дома к своему подъезду, увидел, как навстречу едет машина с выключенными фарами. Муромский оглянулся. Похожая машина шла и сзади.

В голове взорвалось: "Опасность! Действуй!"

Справа сплошной стеной росли высокие кусты, отделяющие сквер, слева – чахлые голые деревца и стена дома. Вдруг взревел двигатель, зажглись фары, и задняя машина резко ускорила. Он рванул вперед. С разбега прыгнул ногами вперед прямо в лобовое стекло той, что надвигалась спереди, туда где предполагалось быть водителю. Стекло, точнее уже мелкие кусочки, скрепленные пленкой, влетели в кабину. Машина резко затормозила. Водитель, впад в ступор, не пригнулся, и от сильнейшего удара ногой в лицо у него сломалась шея. Остальные двое, сидевшие в этой машине, выскочили в правые двери. Один из них сразу побежал в обратную сторону, если смотреть по ходу машины, другой же растерялся и в замешательстве бросился к стене дома, где его и настиг соскочивший с капота Муромский.

Вторая машина остановилась, освещая фарами происходящее впереди нее. Три человека, выскочив из нее, начали стрелять. Илья Иванович сходу сбил бандита и, прижав коленом к земле, свернул ему шею. Затем упал на спину, перевернул мертвеца на себя, нащупал у него в боковом кармане куртки пистолет, выхватил и начал стрелять, прикрываясь трупом. Стрелял Муромский так, как положено стрелять "чистильщику". Пятью выстрелами он уложил всех трех бандитов. Двое не подавали признаков жизни, третий пытался подползти обратно к машине. Она же газанула и задом помчалась прочь, виляя и задевая кусты, оставив раненого бандита на произвол судьбы.

Илья Иванович не стал стрелять в удирающее авто. Посмотрел на пистолет. Это был "Вальтер ПП". Промелькнула мысль: – "Надо же! Хорошо вооружаются негодяи."

Свалив с себя тело бандита, нашел в его куртке еще два магазина. Вскочил и бросился бежать в соседний двор к своей машине. В голове бились мысли: "Первое, что надо сделать, уйти подальше от дома. Через пару минут тут будет не протолкнуться от полиции и свидетелей. Второе, позвонить домой. Как там родители. Их предупредить, что сегодня буду ночевать у Светланы. Третье, срочно в машину и к Светке. Буду создавать алиби..."

Из машины Илья Иванович позвонил родителям. Мать ответила, что дома все в порядке, и что она не одобряет подобные ночные отлучки и так далее, и тому подобное. В общем, была в своем амплуа.

Затем он позвонил и предупредил *Светлану*. Она обрадовалась и сказала, что срочно приступает к приготовлению грога, который так любит Илья. И еще сказала, что только что приехала из Москвы, откуда привезла исторический журнал с интересной публикацией. Оказывается, есть такая точка зрения, что первыми спецназовцами были специальные команды казаков-пластунов. Зная интересы Муромского, она искала и часто находила необычные материалы о спецназе.

Ночь прошла спокойно. Илью Ивановича никто не побеспокоил, ни полиция, ни бандиты. Утром, не спеша спускаясь вниз и внимательно прислушиваясь, есть ли кто на лестнице выше и ниже его, Муромский вышел из подъезда, внимательно огляделся и пошел к машине. Ее он предусмотрительно оставил далеко от дома Светланы. В любую секунду был готов пустить в дело "Вальтер".

Открывая дверь машины, Муромский услышал негромкий голос:

– Только спокойно, Илья Иванович, не стреляйте, пожалуйста. Давайте поговорим.

Из-за стоящего неподалеку микроавтобуса вышел крепкий пятидесятилетний мужчина с тяжелым взглядом исподлобья. Руки в тонких кожаных перчатках он держал на виду, демонстрируя миролюбие. Муромский мужчину узнал. Это тот тип, который стоял за спиной Евгения Моисеевича в вестибюле холдинга. Илья Иванович окинул взглядом окрестности. Никого не заметил, но чувствовал, что находится под прицелом с нескольких сторон.

– Вы правильно поняли, что находитесь на мушке. И у не одного человека. Повторяю, у меня к вам деловой разговор.

– У нас с вами деловой разговор не планировался, – ответил Илья Иванович.

Муромскому было досадно и неприятно, что он не смог обнаружить засаду каких-то бандитов.

– Не переживайте, вы имеете дело тоже со специалистами, – неприятно рассмеялся тип из холдинга.

– Я вчера уже понял, какие вы специалисты.

Илья Иванович постарался, чтобы в его голосе было побольше сарказма.

– Кто ж ожидал от обычного майора морской пехоты таких фокусов. Пять трупов за пять минут. Вот это темп!

Тип из холдинга спокойно подошел и остановился в трех шагах.

Муромский подумал о том, что легенда, в соответствии с которой он является отставным майором морской пехоты, надежно работает. Раз даже эти гиены с большими возможностями введены в заблуждение. Одновременно в голову пришла мысль, что пятый, который полз к машине, тоже отправился туда, где быть обязан. Помолчал и произнес:

– Вы полагаете, что к майору морской пехоты подходит определение "простой"?

– Нет, я имел ввиду другое. Майору морской пехоты именно такая подготовка не нужна. Это не совсем та специализация. Мне пришлось послужить, Илья Иванович, и я знаю. Теперь давайте о деле, но в начале факты.

Итак, первый факт: вы убили пять человек. Согласитесь, что для самообороны это слишком круто. Похоже на расправу. Мы так все и представили подехавшим работникам полиции и прокуратуры, немного изменив, конечно, детали на месте преступления.

– Это они сами добились пятого, чтобы тяжелораненый не проговорился... – подумал Муромский.

– Не отвлекайтесь, Илья Иванович. Кроме того, у следствия может появиться версия, что Бражникова Петра Николаевича убил тот же человек. Она появится с нашей подачи, конечно.

Факт второй. Безопасность ваших родителей. Как вы можете эту безопасность обеспечить?

Факт третий. Ваше положение. Вы что, собираетесь податься в бега?

Факт четвертый. Сейчас неподалеку у одной особы по имени Светлана находится субъект, отличающийся особой жестокостью. Если я ему позвоню и скажу "вперед" или не позвоню вовсе, он ее через десять минут убьет. Не сразу, конечно, но это хуже во сто крат, чем сразу.

Ну и факт пятый. Если вы попытаетесь сопротивляться, просто сделаете резкое движение или просто откажетесь от того, что я вам сейчас предложу, то просто раздастся выстрел.

– Все точно этот гад обрисовал, – думал Муромский, оглядываясь, – не поспоришь. Как все плохо. И ни одной идеи. Впрочем, надо соглашаться ради родителей, ради Светки...

– Ладно, предлагайте.

3

В этот же день вечером в большом солидном кабинете известного в городе Холдинга в глубоких кожаных креслах сидели два человека. Один – хозяин кабинета, большой полный пожилой человек с маленькими глазками на вечно потном лице, другой – тот самый крепкий мужчина, имеющий привычку на всех и вся смотреть исподлобья. Первый – руководитель службы безопасности Холдинга Хрусталева Борис Федорович, генерал-лейтенант милиции в отставке, бывший начальник главного управления МВД по одному из субъектов Российской Федерации. Второй – его заместитель и начальник охраны Холдинга, когда-то служивший в армейской разведке Сысоев Сергей Антонович.

Оба доверительно беседующих мужчин были без пиджаков, в ослабленных галстуках. В руках держали слегка наполненные большие коньячные бокалы. Между ними на инкрустированном столике стояла пузатая бутылка "Мартеля", столь любимого Хрусталевым.

– Говоришь, это будет полезное приобретение. А не сорвется с крючка, не подведет нас под монастырь? –

Медленно произнося слова, задумчиво говорил Хрусталева, глядя куда-то в сторону. Он постоянно вытирал потное лицо большим белоснежным платком.

– Ему некуда деться, Борис Федорович, мы его обложили со всех сторон. Нам же позарез нужен человек, отвечающий за безопасность "горячего" объекта. А у него соответствующая подготовка.

Сергей Антонович исподлобья смотрел на своего начальника. К коньяку, который держал в левой руке, он, в отличие от хозяина, так и не притронулся.

– Ну-ну. Отвечаешь головой!

Борис Федорович в упор посмотрел на подчиненного маленькими злыми глазками.

4

Другой разговор происходил на следующее утро в том самом здании Холдинга. Муромский беседовал с Сысоевым Сергеем Антоновичем, заместителем начальника службы безопасности холдинга.

– Илья Иванович, вы назначаетесь руководителем службы безопасности культурно-развлекательного центра "Бродвей". Место – не простое, горячее. Ресторан, дискотека, варьете с раздеванием, два кафе, боулинг, бильярдная, кинозал. Посетители – в основном молодежь. Многие специально приезжают из Москвы. Очень популярное место. Надо будет установить и поддерживать железный порядок. Исключить всякие эксцессы.

Помолчав, Сысоев продолжил:

– Обратите особое внимание на пресечение наркотиков. Пересмотрите кадры службы безопасности, особенно охрану. Она берет "на лапу" за пропуск в переполненный центр сомнительных личностей. Но перемены в кадровом составе только по согласованию со мной. И вообще, Илья Иванович, по любым вопросам не стесняйтесь и советуйтесь со мной, особенно на первых порах.

Помолчав, Сысоев, продолжил:

– Вас, конечно, интересуют вопросы, касающиеся безопасности ваших родственников, этой Светланы и ваша личная безопасность. Так вот. Пока вы у нас работаете, это будет гарантировано. Относительно вас лично никаких подозрений у правоохранительных органов нет и не будет. Происшедшее у вашего дома – всего лишь бандитская разборка. Следы, оставленные там, и показания свидетелей, прямо указывают на это.

Сысоев пытливо смотрел на ничего не выражающее лицо Муромского.

– Теперь о не менее важном. Оплата вашего труда будет более чем достойная. Купите себе приличную машину вместо вашей развалюхи. Вместе с семьей переедете в трехкомнатную квартиру. Ключи вам выдадут в административно-хозяйственном отделе Холдинга. Думаю, не стоит напоминать, что ваше новое жилье – служебное, только на время вашей работы у нас.

Сергей Антонович во время всей беседы продолжал смотреть на Муромского своим неприятным специфическим взглядом. Хотя, это была не беседа, а монолог Сысоева. Муромский молча сидел, уставившись взглядом в окно над плечом Сысоева, держа ладони между коленями. У него было ощущение, что он продает душу дьяволу. – Как Фауст – подумал он, усмехнулся и опустил голову.

Эта усмешка не понравилась Сергею Антоновичу. Он тихо заметил:

– Я надеюсь, что вы будете к нам лояльны. Сейчас мы поедem, и я покажу вам ваше новое место службы.

Сысоев нажал на кнопку пульта, установленного слева, нагнулся к микрофону:

– Мою машину, еду на "Бродвей".

Он так и выразился: не в "Бродвей", а на "Бродвей", будто бы собрался пройтись по известной всему миру улице.

Одевая дорогое кашемировое пальто, Сергей Антонович сказал Муромскому как бы между прочим:

– "Вальтер", если хотите, можете оставить у себя. Оформим на него разрешение. Только надо расписаться в административно-хозяйственном отделе.

А если хотите, заменим его на "Глок". Все же более современное оружие. А "Вальтер" – хорош! Да вы и сами в этом убедились.

Он усмехнулся, открыл дверь и, пропустив Муромского вперед, вышел, закрыл дверь на специальный ключ и "пикнул" маленьким карманным пультом, наподобие автомобильному.

"Поставил кабинет на дополнительную, индивидуальную сигнализацию" – подумал Илья Иванович.

Глава 9

Предыстория. Продолжение

Время-предновейшее. Час "X" минус пять лет

Место – город Мытищи. Московская область

1

Терехин Евгений Дмитриевич, ладно скроенный и, как говорят, "крепко сшитый", по давней привычке коротко подстриженный, сидел на скамейке во дворе своего дома. С момента демобилизации он нигде не работал, скромно существуя на небольшую офицерскую пенсию.

– Надо, конечно, устраиваться на работу, – думал он, – но как это делать?

Ему претило куда-то идти, предлагать себя, рассказывать легенду, по которой он жил после армии.

– Как лошадь, которую цыган продавал на базаре. – Его передернуло от неприятного чувства.

Единственным развлечением для него, кроме многочасовых ежедневных физических занятий, было времяпрепровождение с близким другом, Валькой Захаровым. С ним Евгений Дмитриевич прошел "огни, воды и медные трубы". Столько лет провели вместе. Вместе в училище, вместе в бригаде спецназа и вместе в спецотделе, как они все называли крайнее подразделение своей службы. Слово "последний" в спецназе запрещено. Сколько раз они, работая всегда парой, выручали друг друга! Не сосчитать. Да они никогда и не считали. И, уволившись из армии, вместе осели здесь, в Мытищах, где у Терехина была оставшаяся от матери маленькая двухкомнатная квартира.

– Рано ушла мама, совсем не старая была. Проклятая болезнь... – с горечью думал Евгений Дмитриевич, постоянно укоряя себя за то, что так и не попрощался с мамой перед ее смертью. Служба. Поздно узнал, поздно приехал. Еле успел на похороны.

– А Валька сумел переломить себя. Устроился охранником на автостоянке, копил деньги на маленькую дачку за городом. Обещает научить меня выращивать овощи. Тоже мне аграрий! Когда же кончится его дежурство? Пора на стадион бежать...

Тут Евгений Дмитриевич увидел знакомую шпану, с нахальным видом оккупирующую детскую площадку. Молодые мамы с детскими колясками так и прыснули отсюда подальше. Подростки от четырнадцати до восемнадцати лет в количестве не менее десяти человек, подражая уголовникам, матерясь и сплевывая сквозь зубы, заняли скамейки, песочницу, игровые сооружения, доставая пиво и сигареты.

– Сейчас загадят все. И никто с ними справиться не может. Взрослые здоровые мужчины сторонятся, участковый опасается и держится от греха подальше... – С нарастающим чувством гнева думал Терехин, глядя на отвратительных несовершеннолетних негодяев, одновременно ощущая свое бессилие.

Вдруг что-то мелькнуло у него в голове. Он поднялся и вышел со двора.

2

– Еще раз говорю вам, Станислав Маркович. Полуподвал забит хламом, оттуда уже через вентиляцию вонь идет! Он же никому не нужен. Я вычищу его, обустрою, оборудую небольшой спортзал. Копейки не попрошу! Это будет бесплатный спортзал для неблагополучных подростков. Слово офицера!

– Скажите, Евгений Дмитриевич, вам, лично, зачем это?

Молодой чиновник местного масштаба, заместитель главы Управы, никак не мог взять в толк, где ж здесь меркантильная изюминка.

Все же Станислав Маркович, несмотря на явные ухватки современного дельца, был неплохим человеком. После долгих расспросов и уточнений отношение у него к этому проекту изменилось от отрицательного до осторожно положительного.

– Я таких решений не принимаю. Поступим так. Составьте бизнес-план, – взглянув в сконфуженное лицо Терехина, уточнил, – Опишите, как вы все это представляете, а я потом помогу придать требуемую форму и что надо, добавлю. Тем временем составлю докладную на имя главы Управы.

Подумал, задумчиво глядя на Терехина, и добавил: – Придадим проекту социальную значимость и педагогическую окраску.

Целый месяц Терехин с Захаровым выносили из полуподвала хлам и мусор, чистили, даже дезинфицировали помещение, красили потолок, стены и бетонный пол. Они радовались, что есть окна, пусть небольшие и под самым потолком, но дающие свет. Пришлось менять и рамы, и решетки на этих окнах. Хорошо, что полуподвал имел отопление от общей отопительной системы дома, но для комфортной температуры в зимний период требовалось нарастить батареи.

Захаров Валентин Михайлович, здоровяк и оптимист, ради такого благого дела взял отпуск, а потом и продлил его за свой счет. Чернобровый, черноусый, с ранней сединой и шрамом на виске от осколочной гранаты, он зажегся этим делом не меньше Терехина. Но как человек более расчетливый, чем Терехин, сокрушался:

– А электричество? Проводить его же надо. А счетчик? Сколько же за электричество придется платить? И все из своего кармана. А за дополнительное тепло кто будет платить, если батареи нарастим?

Станислав Маркович первые дни приезжал почти каждый день. Он оказался деловым и конкретным хозяйственником. Обеспечил по своей инициативе машиной для вывоза хлама. Привел электриков, которые вместо дежурного освещения провели нормальную электропроводку и установили счетчик, помог "победить" санитарную инспекцию и пожарных. И, что оказалось важным, обеспечил "положительное общественное мнение у народа", так сформулировал эту свою задачу сам Станислав Маркович. Он лично прошел по многим квартирам дома, под которым и был означенный полуподвал, объясняя, насколько это важно именно для людей, живущих здесь. Даже созвал во дворе в воскресенье небольшой митинг для жителей домов, окружающих двор. На митинге Станислав Маркович блеснул красноречием и заряжающей всех энергией.

3

Однажды днем Евгений Дмитриевич выглянул из полуподвала, где он размещал собственные гантели и штангу, и увидел очередную оккупацию детской площадки.

Несовершеннолетние негодяи, изгнав своим появлением женщин, прогуливавших маленьких детей, вели себя так же хамски, как и всегда.

Евгений Дмитриевич вышел во двор и спокойной походкой, не спеша, но и не останавливаясь, подошел вплотную к малолетней банде. Не обращая внимание на мат и смешки, откровенно касающиеся его, он с веселым видом рассматривал каждого, словно выискивал среди них знакомого.

– Чо тебе, мужик?! Ты чо, рамсы попутал?

С угрозой спросил, судя по виду, их вожак, постарше и покрупнее остальных, сидящий на краю песочницы. Другой же, с выбитым зубом и нечесаными патлами на голове, до этого втыкавший большой кухонный нож в песок, поднялся с корточек и приблизился к Терехину вплотную. Он хищно смотрел, многозначительно подбрасывая нож. Евгений Дмитриевич мгновенно перехватил железку, не менее быстро повернулся и метнул ее в березку, растущую метрах в трех у края площадки. Нож глубоко вошел в дерево.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.